

18+

Жан-Батист Кревье

**История
римских
императоров
от Августа
до Константина**

Том 7. Пролог к кризису
III века

Жан-Батист Кревье

**История римских императоров
от Августа до Константина. Том
7. Пролог к кризису III века**

«Издательские решения»

Кревые Ж.

История римских императоров от Августа до Константина. Том 7. Пролог к кризису III века / Ж. Кревые — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659131-8

Работа сочетает хронологический нарратив с анализом политики, культуры и морали, характерным для просветительской историографии. Том 7. Эпоха нестабильности. Этот период стал прологом к масштабному кризису, поставившему под угрозу существование Римской империи.

ISBN 978-5-00-659131-8

© Кревые Ж.
© Издательские решения

Содержание

Пертинакс	6
Книга первая	6
Дидий Юлиан	15
Книга первая	15
Север	19
Книга первая	19
§ I. Возобновление гражданских войн в империи	19
§ II. Разрыв между Севером и Альбином	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История римских императоров от Августа до Константина Том 7. Пролог к кризису III века

Жан-Батист Кревьё

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревьё, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-9131-8 (т. 7)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пертинакс

Книга первая

Консулы: Кв. Сосий Фалькон и Г. Юлий Эруций Клар.

945 год от основания Рима. 193 год от Р.Х.

После смерти Коммода первой заботой убийц стало обеспечение собственной безопасности путем возведения на престол преемника, обязанного им властью. Их выбор пал на Пертинакса, который из низшего сословия благодаря своим заслугам и покровительству Марка Аврелия поднялся так высоко, что над ним уже не было никого, кроме самого трона. Мудрый император даровал ему консульство, а затем последовательно доверял управление различными провинциями и военное командование.

Долгое время он оставался сенатором и даже консуляром, ни разу не побывав в сенате: должности, которые он занимал, непрерывно удерживали его вдали от Рима, и он стал консулом, даже не ступив в столицу. Впервые он вошел в сенат уже при Коммодe, но вскоре ненависть и зависть Перенниса навлекли на него, как мы видели, опалу и трехлетнее изгнание. После падения этого министра Пертинакс вновь обрел милость. Низкое происхождение могло даже рекомендовать его Коммоду. Достоверно то, что после возвращения он неизменно занимал видные посты: командовал легионами в Британии, затем стал префектом анноны, после – проконсулом Африки и, наконец, во второй раз консулом и префектом Рима. Эту последнюю должность он исполнял, когда Коммод погиб.

Слава Пертинакса соответствовала, если не превосходила, блеск его титулов. Он одинаково успешно проявлял себя как на военном, так и на гражданском поприще. Храбрый и искусный воин, он наводил ужас на варваров, одновременно поддерживая строгую дисциплину среди мятежных и буйных войск. Управляя Римом, он проявлял столько мягкости, приветливости и доброты, что снискал всеобщую любовь. Скромный и непритязательный до того, что даже тогда признавал своим покровителем Лоллиана Авита [1], которому он уже как минимум не уступал, но которого по-прежнему благодарно чтит как первого благодетеля своей карьеры; враг роскоши, приверженец бережливости – история упрекает его лишь в излишней скупости и привычке обещать больше, чем он намеревался выполнить, расплачиваясь красивыми словами с теми, кого не мог удовлетворить делом.

Таким образом, никто не был более достоин империи, чем Пертинакс, и заговорщики оказывали себе величайшую честь, возводя его на трон. Если верить Капитолину и Юлиану Отступнику, он был осведомлен об их заговоре против жизни Коммода. Дион и Геродиан придерживаются противоположного мнения, и их точка зрения более вероятна, учитывая краткий промежуток между замыслом и исполнением.

Как только Коммод испустил дух от руки Нарцисса, Лет и Элект, понимая необходимость поспешить, явились к Пертинаксу, раскрыли ему суть дела и предложили занять опустевший престол. По словам Геродиана, Пертинакс, увидев их входящими в его покои, мгновенно решил, что они пришли убить его по приказу Коммода, и опередил их, заявив, что давно ожидал участи, постигшей других друзей Марка Аврелия, и каждую ночь считал последней в своей жизни; что они могут исполнять приказ. Когда же они изложили свое предложение, он заколебался, соглашаться ли, но лишь до тех пор, пока не удостоверился в смерти Коммода. Он послал доверенного человека осмотреть тело и, получив подтверждение слов префекта претория и камергера, позволил Лету сопроводить себя в лагерь преторианцев.

Однако он не без оснований опасался, что воины, любившие Коммода, не встретят его благосклонно. Чтобы склонить их к решению, он заручился поддержкой народа. Была глубоко-

кая ночь, и по его приказу несколько приближенных разошлись по городу, громко возвещая на улицах о смерти Коммода и о том, что Пертинакс направляется в лагерь, чтобы принять власть.

Эта весть вызвала необычайное волнение в Риме. Люди в спешке вставали, выходили из домов, поздравляли друг друга, особенно знатные и богатые, радуясь избавлению от жестокого и невыносимого гнета. Одни бежали в храмы воздать благодарность богам. Большинство же толпилось вокруг лагеря, чтобы оказать давление на солдат, полагая, что суровое правление, какое сулило имя Пертинакса, будет им менее по душе, чем безнаказанность, которой потворствовал Коммод.

Однако Пертинакс и Лет прибывают в лагерь: и последний, пользуясь властью, данной ему должностью префекта претория, созвав солдат, начал с того, что сообщил им о смерти Коммода, но скрыв ужасные обстоятельства этого события, представив его смерть как результат внезапного апоплексического удара; после чего добавил: «Чтобы занять место императора, которого у вас отняла смерть, римский народ и я предлагаем вам человека почтенного возраста (Пертинаксу тогда было шестьдесят шесть лет), безупречных нравов, доказанной храбрости на войне. Ваша удача дарует вам не просто императора, а отца. Вы знаете: его возвышение будет радостью не только для вас; оно принесет ликование легионам на границах, которые все были свидетелями его подвигов. Нам больше не придется покупать мир у варваров за деньги, и опыт того, что они от него претерпели, будет сдерживать их страхом».

Затем Пертинакс взял слово и пообещал преторианцам по двенадцать тысяч сестерциев [2] на человека. Эта щедрость, уважение, которое они не могли не испытывать к говорящему, почтение к Лету как к их командиру – который, при всей своей порочности, тем не менее, видимо, обладал умом и силой – всё это склоняло солдат принять предложение. Однако одно замечание Пертинакса им не понравилось. Он сказал, что при прежнем правлении распространилось много злоупотреблений, но с их помощью он надеется их исправить. Преторианцы восприняли эти слова как прямую угрозу, поскольку знали, что Коммод даровал им множество привилегий, нарушавших установленный порядок. Поэтому они заколебались и хранили молчание. Народ, толпами ворвавшийся в лагерь, задал тон. С самыми горячими выражениями радости он провозгласил Пертинакса Августом, и преторианцы последовали его примеру – скорее из приличия и вынужденно, чем по искреннему расположению.

Из лагеря Пертинакс отправился в сенат, собравшийся ещё затемно. Он явился без каких-либо знаков императорского достоинства, как бы ожидая, что сенат решит его судьбу. Эта скромность была уместна и соответствовала истинным принципам древнего правления. Но, кроме того, за ней скрывалось тайное беспокойство, мучившее Пертинакса. Он боялся, что солдаты сохраняют привязанность к Коммоду; он опасался, что сенат будет презирать его за низкое происхождение. Он даже заявил, что, будучи избранным императором войсками, он охотно отказывается от блеска верховной власти, слишком тяжёлой для человека его положения и слишком трудной в данных обстоятельствах; и предложил сначала Помпеяну, зятю Марка Аврелия, затем Ацилию Глабриону, самому знатному из патрициев, занять место, которое подходило бы им больше, чем ему. Но это заявление и предложение запоздали. Пертинакс уже сделал первый и самый важный шаг, заручившись поддержкой солдат, а сенат был слишком мудр, чтобы вступать в конфликт с военными. Глабрион взял слово и сказал Пертинаксу: «Если вы считаете меня достойным империи, я уступаю её вам; и все мы, сенаторы, единогласно даруем вам все почести и все права верховной власти». Сенат аплодировал. Пертинакс был провозглашён Августом единогласно, а Коммод – врагом народа; и именно к этому моменту относятся те приветственные возгласы, о которых я уже упоминал, направленные против памяти несчастного принца. Его преемнику были дарованы все титулы императорской власти разом, вплоть до звания Отца отечества, которое императоры обычно получали лишь спустя некоторое время; и он сам пожелал добавить к ним титул Принцепса сената, почти

забытый и вышедший из употребления, – титул народный, напоминавший об идеалах древней республики. Сенат также хотел почтить супругу Пертинакса, Флавию Тициану, именем Августа, а его сына – именем Цезаря. Пертинакс отказался от почестей для жены; что касается сына, он заявил, что хочет подождать, пока тот достигнет зрелого возраста и докажет достойные добродетели.

Только после этих предварительных действий, в которых можно увидеть все формальности избрания, Пертинакс взойшёл на императорский трон, как бы уступая единодушному желанию сената. Он выразил благодарность сенату, хотя и дал понять, насколько страшится трудностей высокого положения, на которое его возвели. Он обещал правление, соответствующее законам, направляемое советами сената и более близкое к аристократии, чем к монархии. Наконец, он выразил признательность Лету, виновнику смерти Коммода – ибо больше не было причин скрывать это – и дружбе которого был обязан императорской властью.

Лет, во многих отношениях, безусловно, не заслуживал публичных похвал в сенате; и Квинт Сосий Фалькон, вступавший в должность консула в тот же день, 1 января, честолюбивый молодой человек с далеко идущими замыслами, увидел в этой похвале возможность настроить умы против Пертинакса. «Можно судить, – смело сказал он, – каким императором вы будете, если прославляете министров, повинных в преступлениях Коммода». Пертинакс сохранил самообладание и лишь ответил: «Консул, вы молоды и не знаете, что значит необходимость повиноваться. Они исполняли приказы против своей воли, но при первом удобном случае показали свои истинные чувства».

Если Пертинакс говорил искренне, то он плохо знал Лета и приписывал ему более благородные и чистые мотивы, чем те, что двигали им на самом деле. Впрочем, видно, что убийство Коммода было всеобщим одобрено. Никто среди язычников не сомневался, что убить тирана дозволено и даже похвально. Лишь кротость Евангелия имеет честь отвергать это учение, ставящее под угрозу жизнь даже лучших правителей.

Так завершилось заседание сената, после которого новый император отправился на Капитолий, вознести молитвы, а затем с торжеством был проведён в императорский дворец. Вечером он пригласил магистратов и первых лиц сената отужинать с ним, возобновив обычай, прерванный Коммодом: и во время трапезы он проявил мягкую весёлость и простоту, которые расположили к нему гостей и делали нового принца особенно приятным в сравнении с надменностью и презрением его предшественника.

Сенат и народ пребывали в радости и строили самые счастливые предзнаменования относительно правления мудрого и умеренного императора. Но не так было с преторианцами, которым нравилась распущенность и которые благодаря тирании Коммода, чьими орудиями они были, возвышались над головами своих сограждан. Они не сомневались, что намерением Пертинакса было восстановить среди них порядок и держать их в повиновении.

В первый же день он дал пароль трибуну: «Несем службу», давая понять, что в прошлом дисциплина в их рядах соблюдалась так плохо, что им требовалось новое обучение. Он запретил им обижать простой народ и бить любого, кто приближался к его особе. Недовольные этими начинаниями и обеспокоенные будущим, преторианцы стали сожалеть о Коммодe и вздыхали, видя, как низвергают его статуи.

Уже 3 января, в день, когда ежегодно приносились публичные обеты за процветание императоров, они попытались изменить положение дел: похитили знатного сенатора по имени Триарий Матерн Ласкивий, чтобы доставить его в лагерь и провозгласить императором. Однако Триарий не был соучастником их замысла: он сопротивлялся, вырвался из их рук почти нагой и, явившись во дворец к Пертинаксу, затем удалился в свое поместье.

Пертинакс понял, что ему крайне необходимо осторожно обращаться с войсками, способными на такие бесчинства, и принялся их ублажать. Он подтвердил все привилегии и дары, которые Коммод им пожаловал, и принял эффективные меры, чтобы быстро выполнить обе-

щанные им щедрые выплаты. В казне он нашел лишь один миллион [3] сестерциев. Его выходом стала распродажа всего безумного роскошества предшественника. Так, он выставил на продажу статуи и картины из дворца, великолепную мебель, золотую и серебряную посуду, украшенную драгоценными камнями, лошадей, рабов, предназначенных для разврата, и всё, что служило Коммоду в его битвах с гладиаторами или в управлении колесницами.

История особо отмечает повозки, изготовленные с необычайной заботой о комфорте: одни – с подвижными сиденьями, которые можно было поворачивать по желанию, чтобы избежать солнца или поймать прохладный ветер; другие – измерявшие пройденный путь и отмечавшие время. Вырученных средств хватило Пертинаксу, чтобы выплатить преторианцам по двенадцать тысяч [4] сестерциев каждому, а простым гражданам – по четыреста [5].

Кроме этой главной выгоды от столь ценного аукциона, он преследовал и другую цель: ему было приятно всё больше дискредитировать память о Коммоде, выставляя на всеобщее обозрение доказательства чудовищного безумия этого принцепса. Лет отлично послужил ему в этом замысле. Он разыскал всех недостойных служителей удовольствий Коммода, приказал выставить их имена, которые сами по себе говорили о позоре, и в приговорах, вынесенных против них, позаботился указать суммы их конфискованного имущества – часто превышавшие состояние самых богатых сенаторов, которых Коммод казнил, чтобы завладеть их богатствами.

Он предпринял еще один эффектный шаг, служивший той же цели, но в ином роде. Послы одного варварского народа прибыли в Рим, чтобы получить дань, которую Коммод платил их вождям за мир, и еще не покинули пределы империи, когда произошел переворот. Лет велел их нагнать и потребовал назад выданное золото. «Несите в вашу землю весть о перемене, свидетелями которой вы стали, – сказал он. – Скажите тем, кто вас послал, что теперь империей правит Пертинакс». Разница между двумя правлениями не могла быть показана яснее, чем этим высокомерием по отношению к народам, которым прежде платили дань. И эффект не заставил себя ждать: варвары сдержались из страха перед одним лишь именем Пертинакса.

Уважение к его добродетели было всеобщим. Когда в провинции пришла весть о смерти Коммода и избрании Пертинакса, люди не сразу поверили. Они боялись, что это ловушка Коммода, чтобы получить повод для новых жестокостей и грабежей. В этой неопределенности многие заместники решили дождаться подтверждения и даже велели заключить гонцов в тюрьму, уверенные, что если весть правдива, Пертинакс легко простит им ошибку, совершенную без злого умысла. Союзные Риму народы также высоко его ценили. Его возвышение наполнило их радостью, и они поспешили отправить послов поздравить сенат и римский народ.

Благодаря мерам, принятым новым императором для успокоения преторианцев, он некоторое время наслаждался спокойствием и за это короткое время проявил все добродетели великого и мудрого правителя.

Я уже упоминал о его скромности в отношении своей семьи. Он ничего не сделал для родных, кроме назначения Флавия Сульпициана, своего тестя, префектом города вместо себя. Но, по мнению Диона, этот сенатор был достоин должности, даже если бы не приходился императору родственником.

Как я говорил, он отказал жене в титуле Августы, а сыну – в титуле Цезаря. У него было более чем достаточно причин не возвеличивать супругу, которая сама не заботилась о своей чести и открыто состояла в связи с музыкантом. Что касается сына, то, похоже, лишь скромность повлияла на его решение. Сын был еще очень молод, и отец боялся, что детская простота слишком легко может быть испорчена ядом величия. Он не поселил его во дворце и, объявив его эмансипированным (как и свою дочь), разделил между ними всё свое личное имущество, поселив их в доме их деда по материнской линии – префекта города. Оттуда сын императора ходил в общественные школы, ничем не выделяясь среди сверстников. Пертинакс виделся с ним редко и всегда просто, как добрый отец семейства.

Он сохранял ту же скромность – насколько позволял его статус – и в личных делах. Далекий от забвения в столь высоком положении, он охотно вспоминал о своем прежнем состоянии и часто приглашал к столу Валериана, своего бывшего коллегу по преподаванию грамматики. Он был доступен для всех, выслушивал каждого и отвечал с добротой. Он жил в дружеском общении с сенаторами и в обычных беседах обращался с ними почти как с равными. Будучи усердным сенатором (никогда не пропускавшим заседаний), он относился к собранию с уважением. Он оказывал большие почести Помпеяну и Глабриону – возможно, менее рассудительный принцепс усмотрел бы в них угрозу. Он запретил ставить свое имя на каких-либо предметах или зданиях, которыми пользовался как император. По его убеждению, всё это принадлежало не ему, а империи.

При Пертинаксе расходы на императорский стол, которые при Коммоде были огромными, были сокращены и приведены в соответствие с принципами разумной умеренности. Он часто приглашал к столу сенаторов, а тем, кто не приходил, посылал блюда со своего стола – не как деликатесы, а как знак внимания. Простота этих подношений вызывала насмешки у богачей и любителей роскоши, но те из нас, говорит Дион, кто ценил добродетель выше излишеств, принимали их с радостью и восхищением.

Капитолин разделял мнение тех поклонников пышности, которых осуждает Дион. Он обвиняет Пертинакса в жадности и среди прочего приводит в пример посылки половины каплуна или куска жаркого. Конечно, такая простота не бросается в глаза, и этот император, сократив вдруг наполовину расходы своего двора, устранил пустую помпезность, которая нравится лишь тщеславным. Но стоит сравнить этот ложный блеск с реальными благами, которые приносит разумная экономия. За правление, длившееся менее трех месяцев, Пертинакс выплатил долги, сделанные при вступлении на престол, обеспечил вознаграждения за военную службу, создал фонды для общественных работ, нашел средства для ремонта дорог, погасил старые государственные долги – словом, наполнил императорскую казну, опустошенную его предшественником, и привел ее в соответствие с необходимыми расходами. Такое управление заслуживает высшей похвалы и свидетельствует о правителе, который знает свой долг и понимает истинное величие.

Среди благ, которые Рим получил благодаря бережливости Пертинакса, следует отметить и сокращение роскоши среди частных лиц, которым стало стыдно не следовать примеру принцепса. Отсюда проистекала общественная польза – снижение цен на продукты, которые, перестав скупаться расточителями, для которых ничто не было слишком дорого, стали доступны обычным гражданам.

Важно отметить, что огромные суммы, которые потребовались Пертинаксу для решения всех перечисленных задач, не были плодом несправедливости или тиранической жадности. Вместо того чтобы поощрять доносчиков, он сурово наказал тех, кто занимался этим гнусным ремеслом при прежних правителях. Он отменил обвинения в оскорблении величества, заявил, что не примет завещательных даров от тех, у кого есть законные наследники, и что, в отличие от своего предшественника, который захватывал наследства под любым предлогом, он не станет претендовать ни на одно из них, если не будет призван к наследованию по всем формальностям закона. Он добавил примечательные слова: «Лучше и справедливее оставить государство бедным, чем обогащать его грабежом и ненавистными методами». Правда, Пертинакс, вопреки своему поспешному обещанию, был вынужден взыскать некоторые подати, от которых Коммод освободил население. Но благое использование этих средств и необходимость служат ему оправданием. Эти подати, вероятно, были старыми и установленными давним обычаем, поскольку что касается новых пошлин, введенных тиранией сборщиков, Геродиан утверждает, что Пертинакс их отменил, не желая стеснять свободу торговли.

Он задумался об увеличении доходов государства не путем увеличения налогов, а путем освоения многих заброшенных земель как в провинциях, так и в самой Италии. Он отдавал

все такие земли, даже те, что входили в императорский домен, любому, кто брался их обрабатывать, и чтобы облегчить это дело, предоставлял новым владельцам десятилетнюю налоговую льготу, понимая, что если его замысел удастся, государство впоследствии с лихвой вернет то, что сейчас казалось потерей.

Ревнитель справедливости и законов, он часто лично вершил суд. Он восстановил память тех, кто пострадал от несправедливых приговоров при Коммодe, а если они были еще живы, вернул их из изгнания. Он возвратил им или их наследникам конфискованное имущество, и мне трудно поверить, основываясь лишь на свидетельстве Капитолина, что он заставил их покупать эту справедливость. Как уже сказано, он наказал доносчиков: если это были рабы, их казнили через распятие. Он вернул хозяевам рабов, сбежавших из частных домов на императорскую службу. Он обуздал своеволие дворцовых вольноотпущенников, которые при прежнем правлении распоряжались всем с тиранической властью, и отнял у них огромные богатства, нажитые скупкой имущества осужденных Коммодом за бесценки.

Его старые знакомые, граждане его родного города Альба-Помпея, устремились в Рим, едва узнав о его восшествии на престол, в жадном ожидании щедрот. Их надежды обманулись: Пертинакс не считал нужным тратить государственные доходы на обогащение тех, к кому его привязывали личные связи.

Своим безупречным во всех отношениях правлением он возрождал счастливые времена Марка Аврелия, и, даруя всем блага справедливого и умеренного правления, вдвойне радовал тех, кто видел в нем мудрого государя, память о котором была им бесконечно дорога.

Но среди всеобщего довольства две группы, чьи наглость и жадность процветали при Коммодe за счет народных бедствий, – преторианцы и старая придворная камарилья – были страшно раздражены против Пертинакса и поклялись погубить реформатора, обуздавшего их несправедливые аппетиты. Пертинакс еще не сместил никого из тех, кому его предшественник доверил часть управления, но они знали, что он ждет 21 апреля [6], годовщины основания Рима, как дня обновления, когда он полностью изменит состав двора. Они решили не дать ему этого времени, и несколько вольноотпущенников задумали убить его в бане. Но этот слишком рискованный план был оставлен, и префект претория Лет взял на себя организацию заговора, избрав другие средства.

Этот офицер, возведший Пертинакса на трон, вскоре раскаялся в этом. Он надеялся править под именем государя, обязанного ему верховной властью, но увидел, что Пертинакс не только правит самостоятельно, но и мало с ним советуется, не дает ему влияния и часто упрекает в неблагоразумии и ошибочных суждениях. Будучи тираном по натуре, убившим Коммоду лишь из личных интересов и выбравшим добродетельного преемника лишь для придания своему злодеянию видимости заботы об общественном благе, он, обманутый в своих честолюбивых расчетах, решил разрушить свое же творение новым, еще более тяжким преступлением. Он нашел своих солдат вполне готовыми поддержать его ярость и старался разжечь в них этот дух мятежа. Он составил план и решил возвести на престол Сосия Фалькона, о чьей дерзости я уже упоминал и чье знатное происхождение и богатство, казалось, делали достойным первого места.

Лет выждал момент, когда Пертинакс отправился на побережье (вероятно, в Остию), чтобы отдать распоряжения о снабжении города, к которому он относился с большим вниманием. Префект претория рассчитывал воспользоваться этим отсутствием, чтобы привести Фалькона в лагерь преторианцев. Пертинакс был предупрежден и, поспешно вернувшись, сорвал заговор, прежде чем тот созрел. Он пожаловался в сенате на неверность солдат, которым, несмотря на истощение казны, сделал щедрые подарки. Фалькона обвинили, и он был бы осужден сенаторами, если бы Пертинакс не воспротивился этому. «Нет, – воскликнул он, – я не потерплю, чтобы при моем правлении был казнен сенатор, даже виновный». Некоторые утверждали, что Фалькон не знал о заговоре в его пользу, но это маловероятно, и слова Перти-

накса явно предполагают обратное. Достоверно то, что впоследствии он жил, пользуясь своим состоянием, и умер спокойно, оставив сына наследником. Еще удивительнее, что Лет сохранил свою должность: видимо, он так хорошо скрывал свою игру, что Пертинакс либо не подозревал его, либо не считал возможным доказать его вину. Безнаказанность не образумила предателя, и он использовал оставленную ему власть, чтобы продвигать свой преступный замысел и все больше разжигать ненависть солдат под ложной маской рвения.

Капитолин вплетает в свой рассказ запутанную историю раба, выдававшего себя за сына Фабии, дочери Марка Аврелия, и претендовавшего на права наследования императорского дома. Его разоблачили, высекли и вернули хозяину. Лет воспользовался этим предложением, чтобы расправиться с несколькими солдатами, казненными как сообщники безумных замыслов этого негодяя. Его целью было довести возмущение преторианцев до предела, ибо они видели, как из-за показаний раба проливается кровь их товарищей.

Этот черный замысел удался. Внезапно триста [7] самых буйных преторианцев вышли из лагеря, прошли через город среди бела дня и направились к императорскому дворцу с обнаженными мечами. Они, должно быть, были уверены, что не встретят сопротивления ни со стороны охраны, ни со стороны дворцовых служащих, иначе их предприятие было бы столь же безумным, сколь преступным, и не имело бы ни малейшего шанса на успех. Пертинакс, предупрежденный об их приближении, послал им навстречу Лета – так плохо он был осведомлен о кознях этого предателя. Лет, зачинщик заговора, но не желавший открываться, пока не будет уверен в успехе, избежал встречи с солдатами и удалился к себе домой. Убийцы прибыли и нашли все двери открытыми, все проходы свободными. Стража пропускала их, вольноотпущенники и камергеры не только не сопротивлялись, но еще и подстрекали их ярость.

В этой крайней опасности многие советовали Пертинаксу спастись бегством, и Дион утверждает, что это было легко: если бы император избежал первого натиска солдат, он нашел бы в любви народа защиту и опору. Но Пертинакс слишком полагался на свое мужество: он верил, что в сердцах преторианцев еще не совсем угасла верность и что вид императора образумит их. Он смело вышел к ним с гордым видом и сначала мог радоваться своей отваге, ибо его стали слушать. «Как! – сказал он. – Вы, чья обязанность – защищать своих государей и ограждать их от внешних опасностей, вы сами становитесь их убийцами! На что вы жалуетесь? Хотите отомстить за смерть Коммода? Я невиновен в ней. Впрочем, все, что вы вправе ожидать от хорошего и мудрого императора, я готов вам дать».

Эти немногие слова, произнесенные с достоинством, произвели впечатление: большинство уже опускало глаза и вкладывало мечи в ножны. Но один из них, то ли по происхождению, то ли по характеру более свирепый и неукротимый, чем остальные, упрекнул их в этом раскаянии как в слабости и, подкрепляя слова делом, первым нанес императору удар копьем. Это пробудило в сердцах его товарищей дремлющую ярость. Они приготовились последовать его примеру, и Пертинакс, видя, что спасения нет, закрыл голову тогой, призвал Юпитера Мстителя и позволил пронзить себя, не оказывая бесполезного сопротивления. Лишь один человек остался верен ему в этот роковой час – камергер Элект, один из убийц Коммода, который, полный мужества, сражался с убийцами, ранил нескольких и был убит рядом со своим господином.

Преторианцы отрубили голову Пертинаксу и, насадив её на копьё, пронесли этот ужасный трофей по городу в свой лагерь.

Это роковое событие произошло 28 марта 193 года от Р. Х. Пертинакс родился 1 августа 126 года; таким образом, он погиб в возрасте шестидесяти шести лет и почти восьми месяцев, не процарствовав и трёх полных месяцев. Он оставил сына и дочь, которые жили в частном положении, и никто никогда не приписывал им – да и они сами не предъявляли – никаких прав на престол. Это одно из многих доказательств того, что империя у римлян отнюдь не была наследственной.

Дион утверждает, что этот император навлек на себя печальную катастрофу из-за чрезмерной поспешности в реформировании государства и из-за того, что, несмотря на свой опыт в делах, не понимал: политическая мудрость требует не нападать сразу на все злоупотребления, а медленно уничтожать их по частям, одно за другим. Возможно, это рассуждение обоснованно; но, быть может, нам также позволено сказать, что судить по исходу легко и что люди обычно изобретательны в поисках причин несчастий уже после того, как они случились.

Несомненно, Пертинакс был одним из величайших государей, когда-либо занимавших трон Цезарей, хотя кратковременность его правления не позволила ему в полной мере раскрыть свои таланты. Сенат и народ получили возможность выразить свои чувства к нему при правлении Севера, и они воздали ему совершенную хвалу в искренних возгласах, правдивость которых подтверждается фактами. «При Пертинаксе, – восклицали они наперебой, – мы жили без тревог, не зная страха. Он был для нас добрым отцом, отцом сената, отцом всех честных людей». Сам император Север произнёс надгробную речь в его честь; и вот, согласно фрагменту Диона, который, видимо, взят из этой речи, картина, которую он нарисовал о Пертинаксе:

«Воинская доблесть легко вырождается в жестокость, а политическая мудрость – в слабость. Пертинакс соединял в себе обе эти добродетели без примеси пороков, которые их часто сопровождают; мудро смелый против внешних врагов и мятежников, умеренный и справедливый к гражданам и покровитель добрых. Его добродетель не поколебалась на вершине величия; и, с достоинством и без напыщенности поддерживая величие верховного сана, он никогда не бесчестил его низостью, никогда не делал ненавистным гордыней. Суровый без мрачности, мягкий без слабости, осмотрительный без коварства, справедливый без мелочных предрассудков, бережливый без скупости, великодушный без высокомерия».

Эта похвала не оставляет желать ничего лучшего; но мы должны помнить, что взяли её из панегирика, и в двух уже упомянутых пунктах она требует некоторых оговорок. Так, трудно полностью очистить Пертинакса от упрека в скупости, который Капитолин подкрепляет подробными деталями. Этот писатель утверждает, что Пертинакс, проявляя честность и бескорыстие при жизни Марка Аврелия, изменил своё поведение после смерти этого добродетельного принца и выказал любовь к деньгам; что он внезапно разбогател – признак сомнительного состояния; что расширил свои владения за счёт соседей, которых разорил ростовщичеством; что, будучи военачальником, продавал воинские чины; наконец, что занимался – и как частное лицо, и даже как император – грязными сделками, более достойными его первоначального положения, чем того, на которое вознёс его заслуги. Кажется, такое свидетельство должно перевешивать авторитет Геродиана, который лишь в общих чертах говорит, что Пертинакс жил в бедности при Коммодe и что именно бедность обеспечила его безопасность.

Во-вторых, его упрекали в том, что он был более щедр на слова, чем на дела, и более склонен подстраивать свою речь под требования момента, чем руководствоваться строгой откровенностью. Этот недостаток, отмеченный Капитолином, мог ввести в заблуждение даже самого историка, который серьёзно утверждает, будто Пертинакс страшился императорского достоинства, носил его знаки с каким-то трепетом и ужасом и намеревался отречься, как только сможет сделать это без опасности. Однако то, как Пертинакс принял власть, не даёт оснований думать, что её бремя было ему в тягость: скорее, в этом видно желание и рвение. Эти демонстрации страха и стремления вернуться к частной жизни были, без сомнения, у него, как и у Августа, лишь скромной риторикой, призванной возвеличить того, кто её использовал.

Его нравы были не более строгими, чем у его жены, и история упоминает некую Корнифицию, которую он страстно любил – в ущерб своей репутации.

Несмотря на эти пятна в его жизни, Пертинакс заслужил великие похвалы и стал последним в цепи добрых принцев, начавшейся с Веспасиана и прерванной лишь Домицианом

и Коммодом. Мы не найдём более государя, достойного этого звания, вплоть до Александра Севера.

Я не должен завершать рассказ о Пертинаксе, не воздав ему чести за прекрасное свидетельство, которое ему оказал своим поведением Помпеян, зять Марка Аврелия, – Помпеян, честь сената и Катон своего века. Этот знаменитый сенатор, не вынося зрелища ужасных злодеяний своего шурина Коммода, удалился из Рима под предлогом нездоровья. Он вернулся, как только узнал, что речь идёт о возведении Пертинакса на трон, и оставался в городе всё время его правления – слишком короткого для счастья империи. Когда Пертинакса не стало, недуги Помпеяна возобновились, и его больше не видели в Риме.

Помпеян почти не упоминается далее в истории, где он играет самую прекрасную роль среди всех частных лиц своего времени. Избранный Марком Аврелием в зятя за свою добродетель, великий воин, великий человек, автор мудрейших советов, пока Коммод удаивал его советами, не причастный ни к преступлениям этого императора, ни к заговорам против него, и столь чуткий к узам родства, что пролил слёзы при смерти принцепса, под властью которого его собственная жизнь не была безопасна ни на мгновение.

Примечания:

[1] Этот сенатор упоминается Виктором Лоллием Гентианом; однако очевидно, что это тот же человек, которого Капитолин в «Жизни Пертинакса» (I) называет Лоллианом Авитом.

[2] Полторы тысячи ливров.

[3] Сто двадцать пять тысяч ливров.

[4] Полторы тысячи ливров.

[5] Пятьдесят ливров.

[6] Некоторые относят основание Рима к 20 апреля. Это расхождение здесь не имеет значения.

[7] Дион упоминает лишь двести.

Дидий Юлиан

Книга первая

КОНСУЛЫ: КВ. СОЗИЙ ФАЛЬКОН И Г. ЮЛИЙ ЭРУЦИЙ КЛАР. 945 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА. 193 ГОД ОТ Р.Х.

После смерти Коммода солдаты распоряжались империей как арбитры и господа; после смерти Пертинакса они её продали. Совершённое преступление сделало их робкими: они заперлись в своём лагере, позволив народу и сенату изливать своё негодование или скорбь в горьких, но бессильных жалобах. Сами же они, издеваясь над общественным бедствием, причиной которого были, и думая лишь о том, как обратить его в пользу своей алчности, выставили на стену лагеря тех из своих, у кого был самый громкий голос, чтобы те объявили: империя продаётся тому, кто предложит больше, и кто пообещает им щедрейшие дары.

Среди них находился Флавий Сульпициан, префект города, тесть Пертинакса, до того момента уважаемый сенатор, но в этом случае недостойно себя проявивший. Его зять отправил его в лагерь преторианцев при первых слухах об их мятеже, чтобы попытаться успокоить их. Пока он был в лагере, Пертинакса убили, и Сульпициан не постыдился попытаться завладеть кровавым наследством. Он сделал своё предложение, но вскоре у него появился соперник.

Весть о провозглашении солдат распространилась по городу, вызвав у честных людей ужас. Они считали, что это последняя ступень позора для римского имени – выставить империю Рима на торги, [как вещи, продающиеся на рынке]; и что убийцы любимого и уважаемого императора, вместо того чтобы понести наказание за своё гнусное злодеяние, продают право на престол, словно добычу.

Дидий Юлиан думал иначе. Это был человек знатного происхождения, особенно по материнской линии, поскольку его мать была внучкой знаменитого юриста Сальвия Юлиана, автора Вечного эдикта при Адриане; его отец, Петроний Дидий, происходил из Медиолана [Милана]. Дидий Юлиан воспитывался в доме и под надзором Домиции Луциллы, матери Марка Аврелия. Он последовательно занимал все должности и достиг консульства, которое исполнял вместе с Пертинаксом. Он также сменил его на посту проконсула Африки и занимал другие должности, заслужив некоторую репутацию. Я отмечал, когда представлялся случай, наиболее достойные упоминания его деяния. Жизнь его не обошлась без трудностей. Известно, что он был замешан в обвинении, погубившем его дядю по матери Сальвия Юлиана; однако он вышел из дела с выгодой, так как Коммод, если верить Спартиану, уже пролил столько знатной крови, что пресытился этим и боялся стать слишком ненавистным. Тем не менее Дидий был сослан в Медиолан, откуда родом была его семья – то ли из-за этого дела, то ли по аналогичному поводу; и, согласно Диону, он вполне заслужил изгнание своей беспокойной амбициозностью и жадной новшества. Он обладал огромными богатствами и ежедневно приумножал их всеми способами. Дион утверждает, что не раз уличал его в несправедливости на судебных процессах, которые вёл за тех, кого Дидий изводил своими притеснениями. Что касается его нравов, я не вполне уверен, как согласовать совершенно противоположные свидетельства Диона и Геродиана, с одной стороны, и Спартиана – с другой. Первые двое, его современники, обвиняют его в разврате, роскоши, невоздержанности, без малейшего уважения к самым необходимым приличиям. Спартиан же говорит обратное. Он называет клеветой распространявшиеся на этот счёт слухи и уверяет, что стол Дидия был скромен до скаредности. Если бы пришлось выбирать, я охотно присоединился бы к мнению Спартиана. Очевидно, что Дион ненавидел Дидия и с удовольствием его порицает; к тому же излишества расточительной жизни едва ли сочетались бы с теми огромными богатствами, что позволили ему купить империю. Но если

этого порока у него и не было, он достоин порицания во многих других отношениях: его нельзя оправдать за легкомыслие, алчность, безрассудную амбициозность, мелкость ума и слабость духа.

Он был за обедом, когда ему сообщили, что солдаты предлагают империю тому, кто лучше их заплатит. Его характер располагал его ухватиться за эту надежду, а жена и дочь подстрекали его. Он выходит и, воодушевлённый ещё двумя офицерами, которых встретил, является к стене лагеря. Там он узнаёт, какую сумму предложил Сульпициан внутри лагеря, и тут же перекрывает его ставку. Соперники, подстёгиваемые азартом, соревнуются, не видя друг друга. Узнавая о взаимных предложениях через гонцов, курсирующих между лагерем и стеной, они взвинчивают цену, пока Сульпициан не пообещал солдатам по двадцать тысяч сестерциев на каждого. Дидий, сделав усилие, мгновенно добавил ещё пять тысяч. Он победил благодаря этой чудовищной ставке, подкрепив её доводом, который внушил солдатам: Сульпициан, будучи тестем Пертинакса, наверняка захочет отомстить за его смерть. Сам же Дидий, напротив, пообещал восстановить память Коммода, вернуть его статуи и оставить преторианцев при их правах – то есть при той же вседозволенности, которую этот император им даровал. На этих условиях его впустили в лагерь и провозгласили Августом. Он вступил во владение империей, совершив положенные в таких случаях жертвоприношения. Затем произнёс благодарственную речь, подтвердив все обещания. Префектами претория он назначил тех, кого сама толпа выбрала голосованием, – Юлия Флавия Гениалиса и Туллия Криспина, – и принял мольбы о пощаде Сульпициана, своего соперника. Действительно, Дидий не причинил ему вреда, кроме лишения должности префекта города, которую передал Корнелию Репентину, своему зятю.

Все, о чем я только что рассказал, произошло в день смерти Пертинакса. К вечеру новый император покинул лагерь, направляясь в сенат, в окружении многочисленного вооруженного эскорта, который шел под звуки труб и с развернутыми знаменами, словно готовясь к битве. Мера предосторожности была нелишней, ибо народное негодование не могло быть ни более справедливым, ни более яростным. Все знали, что сенат согласится на столь порочное во всех отношениях избрание лишь под принуждением; народ же открыто нападал на солдат, так что преторианцам пришлось, пересекая город, прикрывать головы щитами, защищаясь от черепицы, которую бросали с крыш.

Страх, который в таких случаях всегда сильнее действует на тех, кому есть что терять, заставил сенаторов в большом числе явиться на собрание. Дидий открыл заседание речью столь странной, что даже слова Диона, присутствовавшего там, с трудом заставляют в нее поверить. «Я вижу, – сказал он сенату, – что вам нужен предводитель, и я достоин командовать вами более, чем кто-либо. Я привел бы доказательства, если бы вы не знали меня и если бы не мог взывать к вашей совести. Это придало мне смелости явиться сюда с малым отрядом и предстать перед вами в одиночестве, дабы испросить подтверждения того, что даровано мне солдатами». Если он действительно произнес эти слова, то, должно быть, совсем потерял стыд. Ибо, [примечает историк], он называл себя «одиноким», тогда как место собрания было окружено вооруженными людьми, а в самом сенате его охраняли солдаты; он же ссылался на наше знание о нем, которое вызывало в нас лишь страх и ненависть. Тем не менее, он получил желаемый указ. Его причислили к патрицианским семьям; даровали все титулы императорской власти; его супругу Манлию Скантиллу и дочь Дидию Клару удостоили имени Август; после чего он распустил собрание и был отведен преторианцами во дворец.

Здесь наши источники расходятся, что связано с различием в суждениях о Дидии, [как я уже отмечал]. Если верить Диону, этот император на несколько часов счел ужин, приготовленный для Пертинакса, слишком скромным и заменил его роскошным пиром. Он играл в кости, пока тело предшественника еще находилось во дворце, и развлекался комедиями, вызвав гистрионов, в том числе мима Пилада. Спартиан опровергает это повествование, считая

его злонамеренной выдумкой врагов Дидия. Он утверждает, что новый принцепс вкушал пищу лишь после погребения Пертинакса; трапеза его была скромной, а ночь он провел не в увеселениях, а в размышлениях о трудностях своего положения. Надо признать, что последняя версия правдоподобнее. Дион, [как я уже отмечал], явно предвзят к Дидию из-за личных конфликтов, тогда как Спартиан, писавший век спустя, не имел причин защищать этого несчастного принцепса. Впрочем, осторожность Дидия в отношении памяти Пертинакса не позволяет поверить, что он оскорбил его в день смерти. Он запретил публично упоминать его имя – ни в хвале, ни в порицании. Страх перед солдатами не допускал похвал; осуждение же могло бы им понравиться – но он воздержался и из уважения к добродетели.

На следующий день после принятия власти сенаторы и всадники явились к Дидию с вынужденными почестями. «Мы притворялись веселыми, – говорит Дион, – но в душе царила скорбь». Народ же не сдерживался: когда Дидий вышел из дворца, толпа осыпала его оскорблениями. Во время жертвоприношения Янусу в сенате люди кричали, моля, чтобы жертвенные знамена оказались дурными, называя его узурпатором и отцеубийцей. Ему безосновательно приписывали участие в убийстве Пертинакса – слух, позже закрепленный некоторыми историками. Дидий пытался успокоить толпу обещаниями денежных раздач, но в ответ слышал: «Мы не хотим их!» Некоторые даже бросали в него камни, что вынудило его приказать страже пустить в ход оружие. Несколько человек погибло, но это лишь усилило ярость народа: толпа славилась Пертинакса, проклинала Дидия и солдат.

Однако в сенате Дидий держался мудро и мягко. Он поблагодарил за оказанные почести себе, жене и дочери. Принял титул «Отца Отечества» (предложенный ранее), но отказался от серебряной статуи. При выходе из сената путь к Капитолию ему преградила толпа – пришлось пробиваться силой. Люди вооружились, укрепились в цирке и провели ночь и день без еды и питья, взывая к провинциальным военачальникам, особенно к Песценнию Нигеру (наместнику Сирии). Дидий рассудил верно: не обостряя конфликта, он позволил толпе устать. В итоге голод и жажда заставили людей разойтись, и в городе воцарился покой.

Эти поступки Дидия не дали бы плохого о нем мнения, если бы не порочность его прихода к власти. Она казалась еще отвратительнее оттого, что Пертинакс всегда выделял его, называя «коллегой и преемником» (в консульстве и проконсульстве Африки). События же превратили эти слова в зловещее предзнаменование, когда Дидий унаследовал Пертинаксу на троне.

После бури первых дней Дидий наслаждался недолгим затишьем, которое целиком посвятил попыткам укрепить свою власть. Его первоочередной задачей было удовлетворить преторианцев, и он даже превзошел свои обещания [1]. Вместо двадцати пяти тысяч сестерциев он раздал им по тридцать тысяч каждому. Зная, как дорога им была память Коммода, он позволил им называть его этим именем: восстановил многие обычаи, вернее сказать, злоупотребления, введенные этим принцепсом и отмененные Пертинаксом; наконец, чтобы больше походить на этот недостойный образец, он не постыдился в преклонном возрасте бесчестить себя участием в боях и упражнениях гладиатора – чего не делал даже в молодости.

Чтобы вернуть, если возможно, расположение сената и простых граждан, он напустил на себя крайнюю обходительность: усердно посещал зрелища, льстил сильным, общался с малыми, терпеливо сносил упреки и оскорбления, допускал знатнейших сенаторов к своим играм и к своему столу, который всегда был роскошно сервирован. Но никто не поддавался его низкопоклонным и угодливым ласкам: ибо, как замечает Дион, все, что выходит за границы приличия, даже если само по себе приятно, вызывает подозрения у разумных людей. Таким образом, Дидию не удалось смягчить ненависть сената и народа, которую он вполне заслужил, и своими унижениями он лишь добавил к ней презрение.

Однако не это стало причиной его падения. Он не был побежден или свергнут Нигером, чьей помощи народ в первых порывах отчаяния взывал. Более близкий и грозный враг низло-

жил его прежде, чем он успел утвердиться. Север, командуя легионами Иллирии, объявив себя мстителем за Пертинакса, был провозглашен императором своими войсками и, немедленно двинувшись на Рим, без труда разрушил еще шаткое благополучие Дидия.

Подробности этого переворота относятся к истории правления Севера, который был его виновником. Я ограничусь здесь лишь кратким указанием на то, что в момент опасности Дидий проявил лишь слабость, робость и постоянную нерешительность; и наконец, покинутый преторианцами, которых Север сумел переманить, он был низложен и приговорен сенатом к смерти. Приговор был исполнен трибуном и несколькими солдатами, посланными убить Дидия прямо во дворце, где он скрывался. Этот малодушный и несчастный старик, так дорого заплативший за столь трагический конец, при виде трибуна разразился жалобами, многократно повторяя жалобным голосом: «Какое преступление я совершил? Кого я лишил жизни?» Его тщетные сетования никто не стал слушать; солдаты зарубили его, и тело, с разрешения Севера, было передано его жене и дочери, которые похоронили его в гробнице прадеда. Он погиб в возрасте пятидесяти шести лет (или, по Диону, шестидесяти), процарствовал всего шестьдесят шесть дней. Таким образом, его смерть приходится на первое или второе июня.

Какой бы злосчастной ни была эта смерть, нельзя сказать, что она была не заслужена. Беспрецедентный пример позорного аукциона, послужившего ему путем к власти, наглость солдат, поощряемая не только безнаказанностью, но и наградой, – вот преступления, которые навсегда запятнают память о Дидии. И ничто не искупает его, ибо он не обладал никакими личными качествами, способными внушить к нему уважение.

Примечания:

[1] Напротив, Геродиан утверждает, что Дидий не смог выполнить обещание, данное солдатам, и что их несбывшиеся надежды вызвали у них гнев. Поскольку я нигде не нашел следов такого охлаждения преторианцев к Дидию, я предпочел следовать за Спартианом.

Север

Книга первая

§ I. Возобновление гражданских войн в империи

ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ СЕВЕРА.

Кв. Созий Фалькон. – Г. Юлий Эруций Клар. От осн. Рима 945. От Р. X. 193.

Песценний Нигер провозглашен императором в Антиохии и признан на всем Востоке.

Север провозглашен императором в Иллирии в конце апреля или начале мая, немедленно выступил к Риму.

Дидий убит 2 июня: Север признан в Риме. Он распускает преторианцев и торжественно вступает в Рим. Пышные похороны и апофеоз Пертинакса. Новые преторианцы, число которых стало вчетверо больше прежнего.

Прежде чем отправиться на войну с Нигером, он договаривается с Альбином, командующим в Британии, которого опасался как соперника, и дарует ему титул Цезаря.

Первое столкновение между Нигером и Севером близ Перинфа во Фракии. Нигер объявлен сенатом врагом государства.

Л. Септимий Север Август II. – Д. Клодий Альбин Цезарь II. От осн. Рима 945. От Р. X. 194.

Битва близ Кизика, где Эмилиан, полководец Нигера, разбит.

Начало осады Византия.

Вторая битва между Никеей и Кием, где Нигер, лично командовавший войсками, побежден Кандидом, полководцем Севера.

Он бежит в Сирию и укрепляет проходы Тавра, что на время задерживает победоносную армию.

После форсирования этого прохода армия Севера вступает в Киликию. Третье и последнее сражение близ Исса, где Нигер окончательно разгромлен.

Он пытается бежать за Евфрат, но схвачен и убит.

Грабежи и жестокости Севера в отношении побежденных.

Скапула Тертулл. – Тиней Клемент. От осн. Рима 946. От Р. X. 195.

Поход Севера в Месопотамию и соседние земли. Захват Нисибиса, укрепленный за римлянами.

Домиций Декстер II. – Л. Валерий Мессала. Тразея Приск. От осн. Рима 947. От Р. X. 196.

Взятие Византия после трехлетней осады. Разрыв между Севером и Альбином, провозгласившим себя Августом.

Альбин переправляется в Галлию.

Север, вернувшись с Востока и прибыв в Виминаций на Дунае, объявляет Цезарем своего старшего сына Бассиана, даруя ему имя Марк Аврелий Антонин. Мы называем его Каракаллой.

...Латеран. – ... Руфин. От осн. Рима 948. От Р. X. 197.

Битва между Севером и Альбином близ Лиона 19 февраля. Север побеждает. Альбин кончает с собой или приказывает убить себя рабу.

Север проявляет еще большую жестокость после этой победы, чем после разгрома Нигера.

Его ярость против сената, многие члены которого склонялись к Альбину. Он обожествляет Коммода, называет себя его братом и сыном Марка Аврелия. Двадцать девять или даже сорок один сенатор казнены.

Он возвращается на Восток для войны с парфянами.

Ти. Сатурнин. – Г. Галл. От осн. Рима 949. От Р. X. 198.

Он вторгается в Парфию, захватывает Вавилон, Селевкию и Ктесифон.

Объявляет Каракаллу Августом, а своего второго сына Гету – Цезарем, также даруя ему имя Антонин. Незначительная война против иудеев.

Около этого же времени Луп покупает мир у меатов в Британии.

П. Корнелий Ануллин II. – М. Ауфидий Фронтон. От осн. Рима 950. От Р. X. 199.

Город Атра дважды осаждается Севером без успеха.

Ти. Клавдий Север II. – Г. Ауфидий Викторин. От осн. Рима 951. От Р. X. 200.

Новые жестокости Севера, даже против своих. Смерть Криспа и Латгиса.

Л. Анний Фабиан. – М. Ноний Муциан. От осн. Рима 952. От Р. X. 201.

Север надевает тогу зрелости на своего старшего сына Каракаллу и назначает его консулом вместе с собой.

Л. Септимий Север III. – М. Аврелий Антонин (Августы). От осн. Рима 953. От Р. X. 202.

Эдикт о гонениях против Церкви.

Север посещает Египет, объезжая всю страну.

Септимий Гета. – Фульвий Плавтиан II. От осн. Рима 954. От Р. X. 203.

Первый из этих консулов – брат Севера, второй – его министр.

Север возвращается в Рим и празднует свои победы, возвращение и десятилетие правления великолепными играми и зрелищами.

Он надевает тогу зрелости на своего второго сына Гету Цезаря.

Женит старшего сына на Плавтилле, дочери Плавтиана.

Л. Фабий Септимий Цилон II. ... Либон. От осн. Рима 955. От Р. X. 204.

Извержение Везувия.

Опала и смерть Плавтиана. Его сын и дочь сосланы на Липары.

Секулярные игры.

М. Антонин Август II. П. Септимий Гета Цезарь. От осн. Рима 956. От Р. X. 205.

Консульство двух братьев. Их непримиримая вражда.

Нуммий Альбин. – Фульвий Эмилиан. От осн. Рима 957. От Р. X. 206.

Осуждение и казнь нескольких сенаторов.

...Апер. – ... Максим. От осн. Рима 958. От Р. X. 207.

Волнения каледонцев и меатов в Британии. Север решает лично отправиться туда.

Булла Феликс, знаменитый разбойник, схвачен.

М. Антонин Август III. – П. Септимий Гета Цезарь II. От осн. Рима 960. От Р. X. 209.

Север отправляется в Британию с двумя сыновьями.

Гета объявлен Августом.

...Помпеян. – ... Авит. От осн. Рима 960. От Р. X. 209.

Поход Севера в северную Британию. Он заключает мир с варварами.

Ман. Ацилий Фаустин. – Триарий Руфин. От осн. Рима 961. От Р. X. 210.

Стена Севера между заливами Клайд и Форт.

Каракалла пытается убить отца.

...Гентиан. – ... Басс. От осн. Рима 962. От Р. X. 211.

Болезнь Севера.

Варвары снова берутся за оружие.

Север умирает в Йорке 4 февраля.

Его сыновья совершают погребальные обряды на месте и везут в Рим урну с его прахом. Мы видели, как три принца были убиты в течение пяти месяцев: здесь открывается новая, еще более трагическая и кровавая сцена. Гражданские войны, утихшие после победы Веспасиана или проявлявшиеся лишь легкими, быстро рассеивавшимися облаками, с новой яростью вспыхнули в описываемые времена, соединив убийства принцев с побоищами сражений.

Эти бедствия были неизбежным следствием своеволия войск, присвоивших себе право распоряжаться империей по своей воле. Преторианцы не имели на это больше прав, чем провинциальные армии; и в последнем выборе они дошли до такой степени наглости, что вожди легионов и сами легионы не могли допустить, чтобы им навязывали господ столь недостойные избиратели.

Я сказал, что в тот самый момент, когда Дидий вступал во владение империей, которую он купил, народ, вне себя от гнева, громкими криками призывал Пескенния Нигра, в то время правителя Сирии, и призывал его смыть позор римского имени, взойдя самому на трон Цезарей, который постыдно захватил низкий торговец.

Нигер во многих отношениях заслуживал того уважения, которое народ так ярко ему оказывал. Он не был обязан своим возвышением происхождению, которое было хоть и почтенным, но скромным. Выходец из семьи римских всадников, вероятно, родившийся в Аквинуме, где его дед служил управляющим у Цезарей, он в юности получил некоторое образование, но, чувствуя в себе больше мужества и честолюбия, чем достатка, посвятил себя военной службе. На всех ступенях военной карьеры, через которые он прошел, он вел себя так, что заслужил похвалу Марка Аврелия. При Коммодe он отличился в войне против варваров, живших близ Дуная. Он также участвовал в подавлении восстания дезертиров, наводнивших Галлию, и преуспел в этом настолько, что Север, тогдашний правитель Лугдунской Галлии, дал о нем императору самый лестный отзыв, назвав его «человеком, необходимым для республики». Консульства он достиг весьма почетным путем – по рекомендации офицеров, служивших под его началом; и хотя Коммода насторожило это проявление уважения и преданности военных своему командиру, он не осмелился отказать. Нигер стал консулом в тот же год, что и Север, и занял более высокое место. Наконец, он получил управление Сирией – одну из важнейших должностей в государстве – благодаря влиянию Нарцисса, того самого атлета, который вскоре после этого задушил Коммодa. Именно такие покровители распорядились тогда всеми милостями.

Среди его военных качеств особенно отмечали твердость в поддержании дисциплины, которую даже Север, его жестокий враг и победитель, ставил в пример тем, кому доверял командование войсками. Ни один солдат Нигра не требовал у подданных империи ни дров, ни масла, ни подвод; а если кто-то нарушал запреты своего командира, то подвергался суровому наказанию. Так, он приказал отрубить головы десяти солдатам, которые съели курицу, украденную одним из них; и когда армия, почти дошедшая до бунта, возмутилась, он все же настоял на том, чтобы виновные вернули по десять кур за каждую украденную. Кроме того, он запретил им разводиться огонь во время похода, есть что-либо горячее и приказал довольствоваться холодной пищей и водой, приставив надсмотрщиков, чтобы те следили за исполнением его приказа.

Он был открытым врагом всего, что отдавало роскошью и изнеженностью в армии. Заметив солдат, которые во время марша к врагу пили из серебряных кубков, он запретил использовать в лагере любые серебряные изделия, заявив, что деревянной посуды вполне достаточно и что варвары не должны хвастаться, захватив римское серебро. Во время походов он не допускал пекарей в армии, заставляя и солдат, и офицеров питаться сухарями. Точно так же он запретил вино, требуя, чтобы довольствовались водой с уксусом, как было заведено в старину.

Можно представить, насколько такие меры не нравились войскам, но Нигер стоял на своем. Когда солдаты, охранявшие границы Египта, потребовали у него вина, он ответил:

«Что вы говорите? У вас есть Нил, а вам еще нужно вино!» В другой раз войска, разбитые сарацинами, попытались оправдаться истощением сил. «У нас нет вина, – дерзко кричали они, – мы не можем сражаться!» Нигер заставил их замолчать суровым выговором: «Стыдитесь своей изнеженности! Ваши победители пьют только воду!» Сарацины в те времена из-за бедности и простоты воздерживались от вина, и лишь позднее их лжепророк превратил это в религиозный запрет.

Если Нигер был строг к солдатам, то, с другой стороны, он защищал их от несправедливости. Римские солдаты в некотором смысле были данниками своих командиров, и вошло в обычай, что они платили так называемые «добровольные взносы», которые превращались в вымогательство. Он отменил эти поборы в армиях, которыми командовал, запретил офицерам брать что-либо у солдат и даже приказал забить камнями двоих, нарушивших его запрет. В связи с этим он часто повторял прекрасные слова, приведенные в письме Севера: «Офицер [1] должен внушать страх и уважение своим солдатам, а этого нельзя достичь, если он не безупречен в вопросах, касающихся выгоды».

Он подавал пример и никогда не позволял солдатам платить ему те самые незаконные поборы, которые запрещал другим. Вообще, он не требовал от подчиненных ничего, чего не делал бы сам. В походе он приказывал ставить свой скромно сервированный стол у входа в палатку, не укрываясь ни от солнца, ни от дождя. Во время маршей, когда римский солдат, как известно, был обременен не только оружием, но и провизией на несколько дней, Нигер заставлял своих рабов нести еще больше, чтобы облегчить участь войска и лишиться их повода жаловаться, что их положение хуже, чем у последних из людей. Во всем он вел себя как простой солдат и даже клялся перед всем собранием, что никогда не отличал себя от низших чинов и что, пока будет командовать армиями, останется верен этому правилу.

Он был настоящим воином: Марий, Камилл, Кориолан, Ганнибал – вот кого он постоянно восхвалял. Сципионы же его не удовлетворяли, потому что, смешав воинские доблести с мягкостью и изяществом, они не могли нравиться человеку, всей душой преданному военному делу.

Качество его нравов представляет проблему. Спартиан противоречит себе в этом вопросе. В одном месте он утверждает, что Нигер предавался всем своим страстям без ограничений; в другом – изображает его как образец целомудрия, которому, по общему согласию, была доверена честь председательствовать на мистериях, по закону и обычаю доступных лишь тем, чья жизнь не знала никакой скверны. Я не придаю значения свидетельству такого врага, как Север, обвинявшего Нигера в распущенности нравов. Он также упрекал его в коварстве и честолюбии – он, сам будучи самым коварным и честолюбивым из людей.

Похоже, Нигер считал себя сведущим в вопросах управления и обладал достаточным авторитетом, чтобы осмеливаться давать советы на этот счет не только Марку Аврелию – государю столь же доброму, сколь и мудрому, – но и жестокому, кровожадному Коммоду.

Его идея относительно командных должностей – как военных, так и гражданских – в провинциях, срок которых он предлагал увеличить до пяти лет, имеет две стороны. В поддержку этого он приводил явный вред, наносимый провинциям частой сменой наместников и магистратов, а также утверждал, что те, кому вверялась власть, вынуждены были слагать ее прежде, чем успевали научиться ею пользоваться. Эти доводы весомы; но в столь шатком государстве, как Римская империя, где высшая должность становилась наградой для самого дерзкого, длительные полномочия могли легко стать опасными для принцепса.

Другие его планы, изложенные Спартианом, несомненно, разумны и продуманны. Он предлагал не доверять важные должности людям совершенно неопытным [2]; чтобы высшие магистраты в каждой провинции назначались из числа тех, кто служил там ассессорами; чтобы никто не был ассессором в провинции, откуда был родом; а в Риме, ввиду особого статуса столицы, общественная власть вручалась бы только урожденным римлянам. Наконец, он уста-

новил жалованье для советников, входивших в судебные коллегии, вместо того чтобы возлагать их содержание на проконсулов или наместников, руководствуясь прекрасным принципом: судья не должен ни давать, ни принимать.

Таков был Нигер; и из этого краткого очерка его характера и поступков видно, что народ и сенат имели основания ценить его и желать видеть императором.

Он уступил этому лестному желанию; и, проверив настроение главных офицеров и даже многих солдат своей армии, которых нашел благосклонно расположенными, а также зная о любви к нему народов Сирии, для которых этот столь строгий к войскам полководец проявлял лишь снисходительность и мягкость, он созвал собрание своих легионов под Антиохией, чтобы предложить им – или, вернее, разом завершить бурными приветствиями – это важное дело. Там, взойдя на трибуну, он описал солдатам плачевное состояние империи, бесстыдно проданной и купленной человеком без заслуг и талантов; горькую скорбь римского народа, взывающего к мстителю и прямо называющего их вождя своей надеждой и опорой. Затем он добавил:

Я предлагаю вам великое предприятие; но если надо признать, что предпринять его без причины и повода было бы дерзостью и безрассудством, то столь же несомненно, что отказать тем, кто нас умоляет, – трусость и предательство. Поэтому я счел необходимым посоветоваться с вами и узнать ваше мнение о том, как надлежит поступить в таких обстоятельствах. Я решусь по вашему совету, и вы разделите мою судьбу; ибо, если успех нам благоприятствует, вы вместе со мной вкусите счастье и славу, которые из этого воспоследуют.

На эту речь Нигера солдаты и множество антиохийских граждан, смешавшихся с ними, ответили тысячами возгласов: все тут же провозгласили его императором и Августом, облачили в пурпур и другие знаки императорского достоинства – насколько это позволяло внезапное избрание, не подготовленное заранее. Новый император торжественно отправился воздать благодарность богам в главные храмы города, а затем с той же процессией был препровожден в свой дом, украшенный лавровыми ветвями, гражданскими венками и всеми внешними атрибутами, возвещающими и освящающими жилище цезарей.

Это счастливое начало сначала имело самые блестящие последствия. Все провинции Малой Азии вплоть до Эгейского моря одобрили выбор сирийских легионов; цари и сатрапы за Евфратом и Тигром поздравили Нигера и предложили ему помощь. С обеих сторон в Антиохию прибывали бесчисленные посольства от царей и народов, являвшихся воздать почести своему защитнику и повелителю. Нигер принимал знаки почтения, считая свое положение прочным и не сомневаясь, что вскоре будет признан всей империей без необходимости обнажать меч.

Эта безопасность стала причиной его гибели. Ему следовало немедленно собрать все свои силы, выступить в поход, отправиться в Рим и предоставить сенату и народу свободу выразить свои чувства по отношению к нему, а также закрепить торжественным и авторитетным решением то, что лишь наметилось в тайных симпатиях одних и в беспорядочных волнениях других. Вместо того чтобы проявить эту стремительность, совершенно необходимую в его положении, Нигер, по непростительной ошибке, недопустимой для вождя партии, которого, впрочем, изображают как человека умного и опытного, погрузился в бездействие и развлекался, устраивая игры и празднества для жителей Антиохии, помешанных на зрелищах и увеселениях. Мы были бы менее удивлены, если бы ограничились суждением Диона, который считает Нигера человеком недалёкого и легкомысленного ума, опьянённого успехом, так что он позволял называть себя новым Александром и хвастался, что носит своё право на острие меча. Но я уже отмечал, что Дион – не тот писатель, на беспристрастность которого можно положиться. Как бы то ни было, этой небрежностью Нигер дал возможность активному и бдительному сопернику опередить его, а затем и уничтожить. Этим соперником был Север, которого мне теперь предстоит представить.

Л. Септимий Север, которого мы вначале будем называть просто Севером, родился в городе Лептис в Африке 11 апреля 897 года от основания Рима (146 г. от Р. Х.). Его отца звали М. Септимий Гета, и он происходил из семьи римских всадников. Два его дяди по отцу, М. Агриппа и Септимий Север, были консулами. Север получил тщательное воспитание и приобрёл глубокие познания в латинской и греческой литературе. В возрасте восемнадцати лет он публично декламировал, демонстрируя свои успехи в науках, но вскоре другие заботы заняли его, и учёность была принесена в жертву честолюбию и любви к удовольствиям. Он прибыл в Рим в правление Марка Аврелия, который сначала сделал его адвокатом фиска, а затем сенатором. Его молодость была распутной и даже полной преступлений. Против него было выдвинуто обвинение в прелюбодеянии, от которого он, несомненно, избавился счастливее, чем заслуживал, и благополучный исход этого дела он обязан председателю суда Дидию Юлиану, которого впоследствии лишил власти и жизни.

Он последовательно получал от того же императора Марка Аврелия должности квестора, народного трибуна и претора и доказал свою достойность большой активностью и тщательным исполнением всех обязанностей. После квестуры он стал легатом проконсула Африки, и в этой должности проявил чрезмерную ревность к своему рангу: когда один из его земляков, простолюдин, встретив его в сопровождении ликторов, попытался обнять его как старого товарища, Север велел высечь его розгами и приказал глашатаю укорить его в дерзости следующими словами: «Помни о скромности, подобающей твоему положению, и не осмеливайся обнимать легата римского народа».

После претуры он был отправлен в Испанию, а затем назначен командиром легиона. Он оставил эту должность, чтобы отправиться в Афины, дабы, как пишет историк, усовершенствоваться в науках, осмотреть древности, которыми был полон этот город, и посвятить себя в мистерии Цереры. Это путешествие могло скрывать немилость, в которую Север, как и все те, кто пользовался уважением Марка Аврелия, попал при Коммодe. Во время пребывания в Афинах он испытал то, что обычно происходит с теми, кто впал в немилость: его игнорировали, и даже нанесли несколько оскорблений. Он сумел отомстить за это, когда стал императором, урезав привилегии афинян – что является характерной чертой его мстительного и опасного нрава.

Будучи весьма хитрым и интриганом, он сумел вернуть себе расположение. Во время войны с дезертирами он был наместником Лугдунской Галлии, и даже говорят, что на этом посту снискал любовь вверенного ему народа. Затем он достиг консульства и благодаря влиянию префекта претория Лота получил одно из самых почётных командований в империи. Ему было поручено возглавить легионы, охранявшие от варваров дунайскую границу в Паннонии. Именно в этом положении он находился, когда произошли смерть Коммода и последовавшие за ней перевороты.

Он признал Пертинакса, но, увидев, что империя опозорена позорной сделкой Дидия Юлиана и что общественное негодование вспыхнуло в ответ, он решил, что настал момент удовлетворить честолюбие, которое всегда таил в сердце: ибо с давних пор он стремился к трону, и сочинения историков полны мнимыми предзнаменованиями его будущего возвышения – то есть доказательствами его желаний и надежд. Я ограничусь одним примером. Овдовев после Марции, на которой был женат первым браком, Север отправился искать жену аж в Сирию и женился на знаменитой Юлии, потому что, как говорили, её гороскоп сулил ей высший ранг.

Итак, Север, увидев, что наконец настал долгожданный момент, решил не упускать его. У него было всё необходимое для осуществления великого замысла: он был одновременно дерзок и хитер, закалён в трудах, легко переносил холод, голод и самые тяжёлые испытания. Добавьте к этому пронизательный взгляд и для исполнения задуманного – энергию, которую можно сравнить разве что с энергией Цезаря.

В данном случае он сразу ухватился за самый выгодный образ, под которым мог предстать. Память о Пертинаксе повсюду чтилась и любима, особенно среди легионов Иллирии, где он отличился при Марке Аврелии славными подвигами и всеми видами воинских и нравственных доблестей. Север, командовавший теперь этими же легионами, понял, что лучший способ заручиться их поддержкой – это выразить горячее желание отомстить за смерть Пертинакса, вызвавшую у них негодование и ужас. Следуя этому плану, он обратился к старшим офицерам, никоим образом не показывая, что сам метит в императоры. Те, будучи убеждены, передали те же чувства подчинённым и солдатам. Все с радостью поддержали этот благородный замысел и легко пришли к выводу, что, дабы их вождь мог отомстить за Пертинакса, его нужно сделать императором.

Люди этого климата, – говорит историк, – столь же грубы умом, как и телом: высокие ростом, крепкие, превосходные воины, но неспособные распознавать хитрости и уловки. Север, напротив, был хитрейшим и изворотливейшим из смертных, льстивым, красноречивым, часто произносившим слова, совершенно противоположные тому, что таилось в глубине его души, не скупящимся ни на обещания, ни на клятвы – с тем, чтобы соблюсти или нарушить их, смотря по требованию своей выгоды. Ему не потребовалось всего его искусства, чтобы склонить на свою сторону легионы и народы Иллирии. Их рвение провозгласить императором мстителя за Пертинакса было чрезвычайным; а Север, дабы лучше убедить их в искренности своих намерений, принял имя того, за кого он обещал отомстить. Он знал, что это имя станет для него столь же благоприятной рекомендацией в Риме, как и в армии: в Карнунте [3] или в Сабарии он был объявлен императором в конце апреля или начале мая. Наместники и войска соседних провинций вплоть до Рейна последовали примеру Иллирии. Север отправил к ним гонцов и переговорщиков, чтобы привлечь их на свою сторону; но самой мощной его опорой стала быстрота его марша и стремительность успехов.

Ибо, едва удостоверившись в своем избрании, он решил немедленно выступить во главе армии, чтобы утвердить свою власть в Риме; собрав солдат, он обратился к ним с такими словами:

«Негодование, которое вы питаете к преступлению, совершенному в Риме недостойными солдатами, недостойными даже этого имени, доказывает вашу верность вашим императорам и священное уважение к присяге, которую вы им приносите. Я всегда исповедовал те же чувства. Вы знаете: преданный и покорный правителям империи, я никогда не помышлял о том возвышении, на которое вы поставили меня своими голосами; и теперь у меня нет более жгучего желания, чем поскорее свершить столь же законную, сколь и угодную вам месть.

Честь империи служит нам новым стимулом. Мы не вправе оставить ее под позором, которым она ныне покрыта. Некогда управляемая великими и мудрыми государями, ее величие внушало уважение всему миру. Даже при Коммоде благородство принца и память о его отце смягчали впечатление от ошибок, совершаемых им по молодости: мы питали к нему больше сострадания, чем ненависти, и винули во всем его министров и дурные советы. Из рук Коммода империя перешла к почтенному старцу, чьи добродетели и подвиги глубоко запечатлены в ваших сердцах: и именно такого государя преторианцы не смогли вынести и поспешили устранить убийством, достойным величайшей кары.

Тот, кто был столь безумен, чтобы купить это высшее место, конечно же, не способен вам противостоять – человек, чья единственная заслуга в богатстве, ненавидимый народом и не имеющий иной защиты, кроме солдат, связанных с ним преступлением, изнеженных городскими удовольствиями и уступающих вам как числом, так и доблестью.

Итак, двинемся же уверенно: освободим Рим от позорного ига, его унижающего, и, став хозяевами столицы и святыни империи, мы без труда подчиним себе весь остальной мир».

Эта речь была встречена громкими одобрениями. Солдаты, нарекая своего вождя именами Августа и Пертинакса, объявили готовность следовать за ним. Север не дал остыть их

рвению и тут же начал приготовления к походу. Раздав провизию на несколько дней, он двинул армию, лично возглавив ее и окружив себя верной гвардией из шестисот отборных воинов, которые не спускали с него глаз и не снимали лат до самого прибытия в Рим. Его стремительность и энергия не терпели потерянного времени. Он нигде не задерживался, едва давая войскам короткие передышки, необходимые для самого насущного отдыха; и они радостно переносили все тяготы, ибо он подавал им пример. Он ничем не отличался от простых солдат: первым брался за самое трудное, его шатер был скромнен и лишен украшений, его стол – прост и непритязателен. Солдат, управляемый так, способен на все. Север вскоре пересек Паннонию, преодолел Альпы и, опередив молву, появился в Италии раньше, чем там узнали о его движении.

Италия в то время была страной, совершенно открытой. С тех пор как Август изменил государственное устройство, все силы империи были распределены по пограничным провинциям; Италия же, находясь в центре, наслаждалась полным покоем и непрерывным миром, разучившись воевать и обращаться с оружием. Север, вступив в нее, не встретил сопротивления. Ужас охватил города и народы; впрочем, окраска, которую он сумел придать своему предприятию, склонила к нему сердца: люди радовались приходу того, кто должен был отомстить за Пертинакса. Так что его повсюду встречали с ликованием, а жители городов выходили к нему в венках из цветов. Равенна в частности открыла ему свои ворота и передала флот, содержащийся в ее порту.

Дидий, которого восстание Нигера [Spartien] повергло в сильный страх, был еще более встревожен, узнав о провозглашении Севера, от которого он не ожидал угрозы. Он даже сразу предугадал исход событий, если верить Спартиану, заявив, что ни ему, ни Нигеру не суждено долго править; что победителем станет Север, который заслужит куда большую ненависть сената и всех сословий империи, чем оба они. Тем не менее, решив защищаться до конца, он сначала укрепил свою власть через сенат, которым владел, и добился постановления этого собрания, объявлявшего Севера врагом государства. Этим же указом солдатам, следовавшим за Севером, был назначен срок, после которого, если они останутся в его рядах, их будут считать врагами. Чтобы склонить их к отказу от мятежного вождя и признанию императора, поддержанного сенатом, к ним направили торжественное посольство, состоявшее исключительно из лиц консульского ранга. Северу даже назначили преемника, словно лишить его командования было так же просто, как объявить его низложенным. Наконец, помимо этих публичных мер, Дидий попытался прибегнуть к убийству, тайно отправив центуриона по имени Аквиллий, уже зарекомендовавшего себя убийством нескольких сенаторов, чтобы устранить соперника.

В его распоряжении не было других войск, кроме преторианцев и, возможно, городских когорт, о которых историки, впрочем, не упоминают здесь, видимо, потому что те подчинялись настроениям преторианцев, превосходивших их числом и статусом. К ним также следует добавить солдат флота из Мизена, непривычных к сухопутным сражениям и потому мало полезных. Таким образом, Дидию едва ли удалось бы противостоять армии Севера в открытом поле, и я не вижу оснований упрекать его в трусости за решение укрыться в городе. Он занялся укреплением Рима: восстановил фортификации, начал разбивать лагерь в одном из предместьев, окружил дворец рвами и баррикадами, желая создать себе последнее убежище на случай поражения и избежать участи Пертинакса, погибшего лишь потому, что убийцы беспрепятственно добрались до него. Дидий также попытался использовать слонов, привезенных в Рим для зрелищ, вооружив их для войны, в надежде, что их необычный вид и запах внесут смятение в ряды вражеской конницы.

Эти жалкие меры вызывали смех у народа и сената, которые с удовольствием отмечали их бесполезность. Особенно забавным было зрелище тренировок жалких войск, на которые Дидий возлагал все надежды. Плохая дисциплина и праздность полностью лишили преторианцев военных навыков: если их привлекали к работам, они действовали вяло и невеже-

ственно, нанимая###ников. Морские солдаты, оказавшись в непривычной стихии, не справились с несвойственным делом. Тем не менее, Рим кипел деятельностью, приняв облик военного лагеря: лошади, слоны, оружие, солдаты разных родов войск – много шума, но мало толку.

Сам Дидий понимал, насколько слабы его силы по сравнению с противником. К несчастью, он мало доверял даже преторианцам, хотя осыпал их дарами и, пытаясь утолить их жадность, грабил храмы. Чтобы угодить им, он казнил Лета и Марцию, главных виновников убийства Коммода. Лету он приписал тайные связи с Севером, которые, возможно, существовали, и таким образом освободил себя от благодарности за то, что тот когда-то спас его от обвинения в оскорблении величества при Коммодe. Но, хотя Дидий не жалел ничего для завоевания преторианцев, он убедился, что соучастие в преступлении создает лишь ненадежные связи, и был покинут теми, чью милость так дорого купил. Сенатские послы, отправленные к армии Севера, подали сигнал к дезертирству, перейдя на сторону того, против кого должны были действовать.

Не желая отказываться от власти, которая явно ускользала, Дидий метался во все стороны. Он прибег к нечестивым обрядам магии, принося в жертву детей, чтобы снискать милость подземных богов. Он предложил сенату отправить навстречу врагу весталок и жреческие коллегии Рима. Это была бы слабая преграда против солдат, более варваров, чем римлян. Но даже это ему не позволили: один из авгуров, консулярий, дерзко заявил: «Тот, кто не может противостоять конкуренту оружием, не достоин быть императором». Говорят, Дидий в гневе хотел перебить весь сенат, поддержавший эту смелую речь, но, подумав, предпочел вступить в переговоры с Севером, предложив разделить власть.

Не могу не упомянуть любопытное совпадение, воспринятое как предзнаменование. Одним из имен Дидия было «Север» (Severus), и когда при провозглашении императором герольд назвал его просто «Дидий Юлиан», он велел добавить: «...и Север». Эти слова вспомнились сенаторам, когда он просил сделать Севера соправителем, и они сочли, что нынешнее решение исполняет то предсказание. Разумеется, это наблюдение пустячно, но для современников оно казалось значимым.

Сенат объявил Севера императором совместно с Дидием, который немедленно отправил префекта претория Туллия Криспина доставить указ новоявленному соправителю. Одновременно Дидий признал третьим префектом претория ставленника Севера.

Но согласие было невозможно. Север желал править единолично, и разделение власти ему не нравилось. Он, уверенный в поддержке войск, спросил их мнения и, следуя их воле, ответил, что останется врагом Дидия, но не соратником. Он даже решил (или сделал вид), что предложение – ловушка, а Криспин послан со злым умыслом, и, основываясь на этом (справедливом или нет) подозрении, приказал убить его.

Однако он приближался к Риму и, подобно Сулле, который, будучи одновременно и лисой, и львом [4], был еще страшнее своей хитростью, чем силой, начал действовать против противника тайными интригами и попытался подкупить преторианцев, чья верность держалась на немногом, чтобы в итоге подчинить их себе без боя. Его замысел был двойным: направленным, с одной стороны, против Дидия, которого он хотел лишиться власти, а с другой – против преторианцев, которых намеревался наказать. С этой целью он отправил несколько своих солдат, которые, разделившись, вошли в Рим разными дорогами и через разные ворота, скрывая оружие и переодевшись в мирную одежду. Это были эмиссары, которым было приказано от имени Севера пообещать преторианцам, что, если те выдадут убийц Пертинакса, он заключит выгодную сделку со всем их корпусом. Они ловко выполнили поручение, и преторианцы, поддавшись их уговорам, схватили виновных в убийстве Пертинакса, заключили их под стражу и известили об этом консула Силия Мессаллу.

Дидий, оказавшись в крайней опасности, предпринял еще несколько жалких попыток спастись. Он созвал сенат, но не получил ответа; попытался вооружить гладиаторов, которых тренировали в Капуе; призвал мудрого Помпеяна заявить права на империю, но тот и слушать

не стал подобное предложение. В конце концов, ничего не добившись, он заперся во дворце со своим префектом претория и зятем, устав бороться с невезением и предоставив свою судьбу воле других.

Сенат, всегда ненавидевший его, видя, что он, покинутый всеми, сдался и сам, собрался по призыву консулов и единогласно объявил Дидия низложенным, приговорил его к смерти, признал Септимия Севера императором и тем же указом присвоил божественные почести Пертинаксу. О том, как погиб Дидий, я уже рассказывал в другом месте. Так Север, не обнажив меча, был провозглашен императором в Риме, хотя находился еще на значительном расстоянии от города.

Хотя в городе и проявляли большое рвение, чествуя Севера и празднуя его восшествие на престол, в глубине души тревога была сильнее радости. Все сословия могли опасаться его гнева. Сенат незадолго до этого вынес против него кровавый приговор; народ симпатизировал Нигеру; преторианцы сознавали себя виновными в тягчайших преступлениях. А сам Север со своей стороны вел себя так, что эти страхи лишь усиливались: он двигал все свои войска к Риму и продолжал идти, как по вражеской земле, даже после того, как Дидий перестал существовать.

Сенат отправил к нему торжественное посольство из ста сенаторов, чтобы передать указ о его избрании императором. Они встретили его в Интерамне [5], и прием, оказанный им, сочетал в себе признаки как милости, так и суровости: с одной стороны, он приказал обыскать их, прежде чем допустить к себе, принял их в окружении вооруженной стражи, сам будучи в доспехах; с другой – каждому из них вручил по семьдесят пять золотых монет и, отпуская, разрешил желающим остаться при нем.

Что касается преторианцев, он решил покарать их еще до входа в город. Сначала он отправил на казнь всех, кто запятнал себя кровью Пертинакса. Затем прибегнул к хитрости, чтобы завладеть всем корпусом и стать его полновластным господином, не встретив сопротивления. Он притворился, что намерен сохранить их и принять на службу, и приказал им явиться без оружия для принесения присяги. По римскому уставу солдаты носили оружие только в случаях, когда оно было необходимо, поэтому приказ явиться без него не показался преторианцам странным и не вызвал у них подозрений. Они повиновались, и когда выстроились перед императорским трибуналом, их окружили полностью вооруженные иллирийские легионы, и они оказались в ловушке, словно в сети.

Тогда Север с грозным видом и надменным тоном перечислил все их преступления: убийство Пертинакса, продажу империи, трусость, с которой они предали Дидия. Он заявил, что они заслужили любое наказание, но по чистой милости оставляет им жизнь. Однако он позорно распустил их, приказав навсегда удалиться от Рима, запретив под страхом смерти приближаться к городу ближе чем на сто миль.

Преторианцы были поражены, как громом, и, не имея никакой возможности сопротивляться, позволили солдатам иллирийской армии разоружить себя: те тут же сорвали с них перевязи, отобрали мечи и все остальные знаки воинского отличия, после чего преторианцы ушли, покрытые позором и полуголые.

Север предусмотрел все. Он предвидел, что разъяренные преторианцы могут попытаться вернуться в свой лагерь и снова вооружиться. Поэтому приказал занять лагерь отборными войсками, которые вошли туда, как только преторианцы покинули его, лишив их этой возможности, если бы они осмелились на такую попытку.

После этого акта справедливости, одновременно политического расчета, Север вступил в Рим с такой пышностью, которая должна была вселять ужас. Правда, у городских ворот он снял воинские доспехи, сошел с коня, облачился в тогу и пошел пешком. Но его армия сопровождала его в боевом порядке, с развернутыми знаменами, словно они входили в город, взятый силой. Дион, бывший очевидцем, утверждает, что никогда не видел более великолепного зре-

лица. Улицы были роскошно украшены и усыпаны цветами; повсюду горели огни, курились благовония; граждане в белых одеждах наполняли воздух радостными криками и молитвами за нового императора; армия шла в идеальном порядке, неся перевернутые знамена, отнятые у преторианцев. Сенаторы в парадных одеждах окружали принцепса; со всех сторон бесчисленные толпы жадно взирали на него. Его показывали друг другу, разглядывали, не изменила ли удача его поведению и осанке; восхищались его энергией, благородной уверенностью и невероятной удачей, позволившей ему совершить столь великие дела, не обнажив меча. Все это, без сомнения, представляло собой блистательное зрелище. Но шестьдесят тысяч солдат – а армия Севера насчитывала не меньше – были страшными гостями: они брали без платы все, что им приглянулось, а при малейшем сопротивлении грозили разграбить город.

Септимий Север в таком сопровождении поднялся на Капитолий, посетил несколько дру-гих храмов и наконец прибыл, чтобы занять императорский дворец. Солдаты разместились в храмах, портиках, особенно вокруг квартала, где жил император.

На следующий день Север явился в сенат, окруженный не только своей стражей, но и свитой вооруженных друзей, которых он привел с собой. Его речь, однако, не носила следов этого устрашающего антуража. Он изложил мотивы, которые, по его словам, побудили его взять на себя заботу об империи, ссылаясь на желание отомстить за Пертинакса и необходимость обезопасить себя от убийц, подосланных Дидием. Он представил свой план правления в самых лестных выражениях, пообещав во всем советоваться с сенатом и вернуться к аристократической форме правления. Марк Аврелий должен был стать его образцом, и он намеревался возродить не только имя, но и мудрое, скромное правление Пертинакса. Особенно он подчеркнул свое отвращение к произвольным и тираническим приговорам. Он заявил, что не станет слушать доносчиков и даже будет их наказывать. Он поклялся уважать жизнь сенаторов; и как будто желая связать себе руки в столь важном вопросе, он добился (по требованию Юлия Соло, о котором уже упоминалось) принятия постановления, согласно которому император не имел права казнить сенатора без согласия сената. В постановлении также говорилось, что в случае нарушения и император, и те, кто исполнил его приказ, будут объявлены врагами государства вместе со своими детьми.

Это было слишком красиво, чтобы в это поверить. Поэтому Геродиан замечает, что старшие сенаторы и те, кто давно знал Севера, не доверяли его прекрасным обещаниям, зная, насколько он был скрытен, коварен и искусен в том, чтобы в каждом случае надевать маску, наиболее соответствующую его интересам. И события подтвердили их опасения. Ни один император не казнил больше сенаторов, чем Север; в частности, тот самый Юлий Соло, который помог ему добиться столь благоприятного для безопасности сенаторов постановления, был убит по его приказу.

Одной из первых его забот стало почтение памяти Пертинакса. Он гордился тем, что объявил себя его мстителем, и его демонстративное рвение в этом благородном деле во многом способствовало его пути к императорской власти. Став императором, он продолжил ту же линию. Он исполнил постановление сената, причислившее Пертинакса к лику богов, посвятил ему храм и коллегию жрецов, приказал, чтобы его имя упоминалось в числе императоров, чьи деяния ежегодно клялись соблюдать. Он повелел, чтобы его золотая статуя провозилась по цирку на колеснице, запряженной слонами, и чтобы во всех играх для него ставили трон, украшенный золотом. Поскольку Пертинаксу так и не были оказаны торжественные похороны, Север устроил ему пышные погребальные церемонии, описание которых сохранил Дион. Они в целом напоминали похороны Августа, о которых я рассказывал при описании правления Тиберия, но отличались в деталях, так что мое изложение не будет простым повторением.

На римском форуме, на каменном возвышении, соорудили деревянный помост, а над ним – нишу в форме перистиля, украшенную золотом и слоновой костью. В нише поместили роскошное ложе, окруженное изображениями голов земных и водных животных и покрытое

пурпурными покрывалами с золотой вышивкой. На ложе положили восковую фигуру Пертинакса, облаченную в триумфальную одежду. Рядом с ней стоял красивый мальчик, который опахалом из павлиньих перьев отгонял мух, словно принц был лишь погружен в сон. Когда изображение было выставлено, прибыл император в сопровождении сенаторов и их жен, все в траурных одеждах. Дамы разместились на сиденьях в портиках, окружавших площадь, а мужчины стояли под открытым небом.

Затем началось шествие. Сначала несли изображения всех знаменитых римлян, начиная с древнейших времен; за ними следовали хоры детей и взрослых, певшие скорбные гимны в честь Пертинакса; затем появились представители всех народов, подвластных империи, в характерных для каждого народа одеждах; далее шли все корпорации мелких чиновников – привратники, писцы, глашатаи и публичные крикуны. Шествие, как я уже сказал, открывали изображения царей, магистратов, военачальников, принцев; затем несли изображения людей, прославившихся чем бы то ни было – доблестными деяниями, полезными изобретениями, ученостью. За ними в строгом порядке следовали отряды конницы и пехоты, лошади, участвовавшие в цирковых играх, и все дары – благовония, драгоценные ткани, – которые император, сенаторы и их жены, знатные римские всадники, города и народы, а также различные коллегии города Рима предназначили для сожжения на погребальном костре вместе с телом принца или его изображением. За ними несли алтарь (вероятно, на носилках), сверкавший золотом, слоновой костью и драгоценными камнями.

После того как вся эта пышная процессия пересекла площадь, Север поднялся на ораторскую трибуну и произнес похвальную речь в честь Пертинакса. Его часто прерывали крики, выражавшие то восхваление усопшего принцепса, то скорбь и сожаление о его утрате; эти возгласы усилились с еще большей силой, когда речь закончилась, особенно в момент, когда начали сдвигать погребальное ложе – тогда рыдания и жалобы прорвались безудержно. Все это было частью церемониала, но в данном случае имело серьезную цель.

Жрецы и магистраты сняли ложе с помоста и передали его римским всадникам для перенесения. Сенаторы шли впереди ложа, император следовал за ним; во время шествия хор голосов и инструментов исполнял печальные мелодии, сопровождаемые самыми выразительными жестами скорби. В таком порядке прибыли на Марсово поле.

Там был воздвигнут погребальный костер в виде четырехугольной башни, украшенной статуями и оплантами из золота и слоновой кости. На вершине костра стояла позолоченная колесница, которую Пертинакс использовал во время церемоний. В эту колесницу сложили все упомянутые мною драгоценные дары, а в центре поместили погребальное ложе. Север поднялся туда вместе с родственниками Пертинакса, и они поцеловали изображение [усопшего]. Затем император занял место на возвышенном трибунале, а сенаторы – на скамьях, расположенных на безопасном расстоянии, но достаточно близко для наблюдения. Магистраты и всадники в отличительных одеяниях, воины – конные и пешие – совершали вокруг костра разнообразные движения и танцы, соответствовавшие их родам службы; после чего консулы подошли к костру, и одновременно с высоты выпустили орла, который, как предполагалось, должен был вознести на небо душу того, кому воздавали последние почести.

Север не задержался надолго в городе, будучи вызван делами и заботами войны против Нигера. Недолгое время, проведенное им в Риме, не прошло в бездействии. Он избавился от страха перед сторонниками Дидия, подвергнув их проскрипциям и казням. Распределением денег он старался примирить с собой народ и войска. Он принял действенные меры для снабжения города, которому угрожал голод из-за плохого управления в прежние времена. Он выслушивал жалобы подданных империи, притеснявшихся наместниками, и строго наказывал виновных. Он выдал своих дочерей за Этия и Проба, назначил обоих консулами и осыпал их богатствами. Из своих иллирийских легионов он отобрал самых храбрых и статных воинов, чтобы сформировать новые преторианские когорты взамен распущенных. В этом он следовал

примеру Вителлия, поступившего так после победы над Отоном, и, очевидно, руководствовался prudent политикой и желанием наградить тех, кому был обязан властью. Однако, как свидетельствует Дион, это решение не получило одобрения. Существовал обычай, ставший законом, согласно которому в преторианцы принимали только уроженцев Италии, Испании, Македонии или Норика – стран, чьи жители по характеру и даже внешности подходили римлянам, тогда как полуварвары-паннонцы и иллирийцы устрашали город своим непомерным ростом, диковатыми лицами и свирепыми нравами.

Все описанное мною было быстро осуществлено деятельным императором, которого обстоятельства вынуждали спешить.

Но прежде чем начать войну с Нигером, ему следовало принять еще одну важную меру предосторожности: обезопасить себя от возможных действий Альбина [6], командовавшего легионами в Британии, который мог претендовать на империю, пока силы Севера будут заняты на Востоке. Здесь необходимо рассказать о начале карьеры Альбина, которому предстояло сыграть значительную роль в дальнейших событиях.

Децим Клодий Альбин родился в Адрумете (Африка); его отцом был Цейоний Постум (или Постумий), человек добродетельный, но бедный. Имя «Альбин» он получил из-за необычной белизны кожи при рождении. Имя отца и собственное позволили ему утверждать, что он происходит из рода Цейониев, к которому принадлежали Цезарь Вер и император Вер, соправитель Марка Аврелия, а также из древнего рода Постумиев Альбинов, знаменитых еще во времена Республики. Бесспорно, его считали человеком знатного происхождения. Однако в описываемую эпоху для признания благородства не требовалось глубокой древности рода, так как в Риме почти не осталось старой знати.

Альбин обучался греческой и латинской литературе, но не преуспел. С детства его влекло к оружию. Тем не менее, автор его жизнеописания упоминает два его сочинения: одно – о земледелии, в котором Альбин, якобы, был сведущ; второе – сборник милетских рассказов, непристойного содержания, соответствовавший нравам автора, всецело преданного разврату с женщинами.

Он страстно любил войну, и ни один стих Вергилия не нравился ему более, чем: *Arma amens cario, nec sat rationis in armis* («В безумье хватаюсь за меч, и в мечях нет места рассудку»). Он постоянно повторял первую часть этого стиха товарищам по школе, а как только возраст позволил, вступил в армию.

Он преуспел в этом и заслужил уважение Антонинов. Поднявшись постепенно, он командовал войсками Вифинии во время восстания Авидия Кассия против Марка Аврелия. В этот важный момент Альбин проявил верность своему государю и предотвратил распространение заразы зла на всю Азию. При Коммоде он отличился в сражениях против варваров как на Дунае, так и на Рейне, и в итоге получил командование легионами в Британии.

Эта должность, которую обычно доверяли лишь консулярам, убеждает меня, что к тому времени он уже был консулом. Похоже, он поздно вступил на путь гражданских магистратур, но продвигался быстро. Его освободили от квестуры; эдилом он был всего десять дней, так как потребовалось отправить его в армию. Его претуря была отмечена играми и боями, которые Коммод устроил для него в народе. Не могу точно сказать, в каком году он занимал консулат, но последовательность событий позволяет предположить, что это произошло в один из последних годов правления Коммода.

Пока он управлял Британией, он получил от Коммода, если верить Капитолину, весьма необычную милость. Император собственноручно написал ему письмо, разрешавшее, в случае необходимости, принять пурпур и имя Цезаря. Капитолин приводит якобы подлинное письмо Коммода и две речи Альбина к солдатам, где тот упоминает о дарованном разрешении и объясняет причины, по которым не воспользовался им. Если бы эти документы были подлинными, пришлось бы им поверить, как бы неправдоподобно ни выглядел сам факт, несмотря на мол-

чание Диона и Геродиана. Но они переплетены с очевидными вымыслами, содержат столько противоречий истории, что по праву вызвали подозрения у г-на де Тильмона. Самое благоприятное предположение – будто сам Альбин, оказавшись в войне с Севером, сфабриковал их, чтобы оправдать свои притязания, и распространил в народе. Однако тот, кто глубоко изучит историю тех времен и сопоставит обстоятельства, не усомнится, что эти документы – творение какого-то поддельщика.

Ограничимся therefore словами Диона и Геродиана: Септимий Север, судя о возможных действиях Альбина по его реальным возможностям, учитывая, что тот, опытный военачальник, командующий мощной армией, превосходивший его знатностью и равный по должностному статусу, мог воспользоваться моментом, чтобы захватить Рим и империю, пока сам Север и Нигер сражались на Востоке, решил обмануть его ложным союзом. Он написал Альбину дружеское письмо, предлагая разделить бремя правления. Добавил, что, будучи старым, страдая от подагры и имея малолетних детей, нуждается в опоре – таком, как Альбин, чья знатность и подвиги внушают уважение, а сила возраста позволяет переносить тяготы.

Вся эта речь была сплошным обманом. Альбин едва ли был младше Севера, а тот преувеличивал свои немощи, чтобы вернее заманить жертву в ловушку. Альбин попался. Наивный, доверчивый, он обрадовался, что желаемое предложили без борьбы и риска. Он с радостью принял предложение Севера, который, в свою очередь, сделал всё, чтобы придать обману видимость законности. Договор с Альбином был утвержден сенатским декретом; чеканились монеты с именем и изображением нового Цезаря; его назначили консулом на следующий год вместе с Севером; воздвигали статуи – короче, оказали все почести, способные польстить тщеславию. Так Север, обезопасив себя со стороны Альбина, обратил все силы против Нигера.

Он подготовился основательно. Вся Италия поставила солдат. Иллирийские войска получили приказ идти во Фракию. Флоты Равенны и Мизена перевозили армии из Италии в Грецию. Легионы отправили в Африку, чтобы обезопасить ее от захвата Нигером через Египет и Киренаику, что лишило бы Рим хлеба. Север, зная, что противник силен и, очнувшись от первоначальной эйфории, действует умно и энергично, ничего не упустил.

Странно, что, готовясь к войне с Нигером, он не упоминал о нем ни в сенате, ни перед народом. Это молчание было политическим, продиктованным осторожностью. То же видно в его обращении с семьей соперника. Найдя их в Риме (Коммод держал семьи военачальников как заложников), Север взял жену и детей Нигера под стражу, но до конца войны обращался с ними крайне почтительно. Он даже лгал, будто в случае его смерти наследниками станут Нигер и Альбин, и внес это в свою автобиографию. Вся эта показная умеренность имела основной страх. Север не надеялся на любовь римлян, зная, что Нигер был народным избранником, и опасался, что письма и эдиты Нигера поддержат эти настроения. Он выступил против Нигера, не объявив официально о своих планах и не получив санкции сената. Его отъезд следует датировать началом июля, так как в Риме он задержался лишь на тридцать дней.

Он находился всего в девяти милях от Рима, когда его армия взбунтовалась из-за первой же стоянки: это обычная неприятность гражданских войн – мятежи. Север уже столкнулся с одним по прибытии в столицу. Войска, вошедшие с ним, потребовали по десять тысяч сестерциев [7] на человека, ссылаясь на пример подобной щедрости, проявленной Октавианом Цезарем двести сорок лет назад к тем, кто ввел его в Рим. Военным нужно немного, чтобы выдвинуть претензии. Однако Север дал своим солдатам лишь десятую часть запрошенного – по тысяче сестерциев [8]. В упомянутом мной случае не указано, какими средствами он подавил мятеж. Скорее всего, он пошел на уступки, ибо его поведение по отношению к военным всегда было слабым и мягким.

Как видно, Север действовал быстро. Его план состоял в том, чтобы перенести войну в Азию одним ударом, и с этой целью, еще до овладения Римом, он отправил одного из своих

легатов, Гераклия, занять Вифинию. Однако Нигер не позволил застать себя врасплох: он избавил Севера от половины пути, переправившись сам в Европу.

Весь Восток, как я уже говорил, признал его власть, и в его распоряжении были все римские силы Малой Азии, Сирии и Египта. Проконсул Азии Эмилиан, ранее управлявший Сирией, человек, доказавший свою ценность на высших должностях и самых почетных командных постах, был его главным легатом.

Нигер, первоначально не видевший нужды в иностранной помощи, изменил свое мнение с приближением опасности и отправил просьбы о вспомогательных войсках к царям армян, парфян и Атры – города в Месопотамии, который Траян некогда безуспешно осаждал. Армянин отказал, прямо заявив, что намерен сохранять нейтралитет. Парфянин, не имевший регулярных войск, ответил, что прикажет своим сатрапам провести набор и собрать силы в своих областях. Только Барсемий, царь Атры, предоставил действенную помощь в виде лучников, чье число не указано.

Таким образом, Нигер нашел мало поддержки у царей, которых считал друзьями. Но римские легионы, союзные отряды, обычно их сопровождавшие, и новые наборы молодежи из Антиохии и Сирии, спешившей записаться под его знамена, были достаточны, чтобы вести даже наступательную войну. Отдав распоряжения о защите всех подступов и портов подвластных ему земель, он выступил и прибыл в Византий, где его встретили с радостью.

Он намеревался сделать этот город, уже тогда знаменитый и могущественный, своей базой. И если верить автору его жизнеописания, Фракия, Македония и даже Греция уже подчинялись его законам. На самом же деле он не продвинулся дальше Перинфа [9], которым даже не сумел овладеть. По его движению к этому последнему пункту можно судить, что он хотел захватить все европейское побережье Пропонтиды от Византия до Геллеспонта, чтобы контролировать оба пролива, дававших кратчайший путь из Европы в Азию. Но ему это не удалось. Под Перинфом он столкнулся с войсками Севера, атаковал их, но не смог одолеть, так что вынужден был отступить в Византий. Таким образом, он первым совершил враждебный акт. А поскольку в бою погибли несколько знатных лиц, Север воспользовался этим, чтобы сенат объявил Нигера врагом государства.

Несмотря на столь резкие действия, означавшие открытый разрыв, между двумя соперниками начались переговоры, но с явным неравенством позиций. Нигер предлагал совместное правление империей. Север, сохраняя тон превосходства, соглашался лишь на изгнание [10] и сохранение жизни противнику. Вряд ли кто-то из них действовал искренне. Решить спор могли только оружие.

Север, прибыв во Фракию с основными силами, счел нецелесообразным осаждать врага в Византии – крепости, трудной для взятия и способной надолго задержать его. Он придерживался первоначального плана перенести войну в Азию и отправил туда лучшую часть своих войск, которые благополучно высадились близ Кизика. Там они встретили Эмилиана, ожидавшего их во главе многочисленной армии. Произошло сражение, и полководцы Севера одержали победу. Армия Нигера была уничтожена или рассеяна, а Эмилиан сначала бежал в Кизик, затем в другой город, где был убит по приказу победителей. Те имели право не щадить его, поскольку он, как и его предводитель, был объявлен врагом государства. Его смерть не вызывает сожалений, если верить слухам, о которых сообщает Геродиан: будто он предал Нигера либо из личных интересов, желая спасти своих детей, находившихся в Риме во власти Севера, либо из зависти, не желая подчиняться тому, кого прежде считал равным. Эти подозрения усиливаются словами Диона, что он был надменен из-за своего высокого положения и, кроме того, являлся родственником Альбина, в то время сохранявшего хорошие отношения с Севером.

Похоже, поражение Эмилиана вынудило Нигера покинуть Византий и отступить за пролив. Можно предположить, что Север сразу же осадил оставленную противником крепость, и тогда началась знаменитая трехлетняя осада.

Нигер, возглавив войска, найденные им в Вифинии, попытался взять реванш. Новое сражение произошло в ущельях между Никеей и Кием. Армией Севера командовал Кандид, а Нигер лично вел свои войска. Бой был ожесточеннее, чем первая схватка. Победа колебалась, склоняясь то к одной, то к другой стороне, но в итоге досталась Северу. Разбитый Нигер бежал и отступил за Таврские горы.

Он заранее позаботился укрепить проход через эту гору, ведущий из Каппадокии в Киликию, не жалея ничего, чтобы сделать его неприступным. Сам по себе этот проход был труднодоступен: узкая дорога, с одной стороны зажатая отвесной скалой, а с другой окаймленная страшной пропастью, куда стекали дождевые воды и горные потоки. К естественным трудностям местности Нигер добавил новые, построив поперек дороги укрепления, так что даже небольшой отряд солдат мог легко остановить целую армию.

Уверенный в этой преграде, которую он приказал тщательно охранять, Нигер отправился в Антиохию, чтобы собрать новые войска и подготовиться к новой попытке испытать судьбу.

Это действительно дало ему время. Победоносная армия [Севера], без боя пройдя Вифинию, Галатию и Каппадокию, была внезапно остановлена у подножия Таврских гор. Все попытки прорваться через ущелье оказались тщетными. Численное превосходство ничего не значило на дороге, где невозможно было развернуться в боевой порядок, а горстка защитников, осыпая нападавших сверху стрелами и скатывая на них огромные камни, опрокидывала их по мере приближения.

После нескольких неудачных попыток люди Севера начали отчаиваться, как вдруг ночью разразился страшный шторм, который сделал то, чего не могли добиться их оружием. Дождевые потоки, низвергавшиеся с гор, встретив на пути стену, превратились в бурный поток; чем больше сопротивления он встречал, тем сильнее становился, пока наконец не сокрушил стену и все укрепления. Люди Нигера, деморализованные этой неожиданной катастрофой, потеряли голову. Они решили, что все потеряно, что обрушившаяся земля сделала местность непроходимой и что их сейчас окружают. Поддавшись панике, они бросили пост и бежали.

Напротив, войска Севера, убежденные, что небеса сражаются на их стороне и сами устраняют препятствия, обрели уверенность. Не встретив больше сопротивления, они беспрепятственно прошли ущелье и вступили в Киликию.

Узнав об этом, Нигер поспешил с новыми войсками, которые успел собрать и в которые записалась почти вся молодежь Антиохии. Эти солдаты горели рвением служить ему, но, не имея ни подготовки, ни опыта, они не могли сравниться с иллирийской армией, сражавшейся за Севера. Нигер разбил лагерь близ Исса, на том самом месте, где когда-то произошла битва между Дарием и Александром. И исход был таким же: в обоих случаях западные народы одержали победу над восточными.

Я не стану вдаваться в подробности сражения между Нигером с одной стороны и генералами Севера – Анулином и Валерием – с другой. Дион и Геродиан расходятся в описании событий, и, сравнивая их, трудно не прийти к выводу, что Дион (или его пересказчик) объединил в одном повествовании события перехода через Тавр и битвы при Иссе. Оба автора сходятся в том, что битва была решающей и очень кровопролитной. Нигер потерял в ней двадцать тысяч человек и был вынужден бежать в Антиохию.

Там он застал всеобщий ужас и смятение и, не задерживаясь, двинулся дальше, намереваясь искать убежища у парфян. Однако конные отряды, посланные победителями в погоню, настигли его прежде, чем он переправился через Евфрат, убили и отрубили голову, которую доставили Северу. Тот отправил ее к стенам Византия, все еще державшего сторону Нигера, приказав выставить на пике перед осажденными, чтобы сломить их дух и отвратить от бессмысленного сопротивления. Позже голова была доставлена в Рим как трофей и доказательство победы Севера.

События войны между Севером и Нигером в источниках не имеют точных дат. Они следовали одно за другим и в целом заняли менее двух лет. Север выступил из Рима, как я уже говорил, в июле 193 года от Р. Х., а Нигер, по-видимому, погиб в начале 195 года.

Мнения о достоинствах Нигера сильно разнятся. Север обвинял его в тщеславии, коварстве, порочности и безумной амбиции, побудившей его домогаться империи в возрасте, когда следовало подумать об отставке. Но это свидетельство врага. Дион и Геродиан описывают Нигера как человека заурядного, без особых пороков или добродетелей. Спартиан относится к нему благосклоннее:

«Нигер, пройдя все ступени военной службы, был хорошим солдатом, отличным офицером, великим полководцем и несчастным императором. По мнению этого писателя, республике было бы на пользу, если бы победил Нигер. От него можно было ожидать исправления многих злоупотреблений, которые Север либо не смог, либо не захотел устранить. Он обладал ясным умом и твердостью, не переходящей в жестокость, был способен на милосердие – не слабое и безвольное, но подкрепленное силой духа».

Трудно полностью отвергнуть эту точку зрения, если вспомнить, что Нигер одновременно строго поддерживал воинскую дисциплину и мягко управлял гражданскими делами, так что солдаты его боялись, а народы, находившиеся под его властью, очень любили.

Спартиан также утверждает, что Нигер глубоко уважал память великих и добрых императоров и брал за образец Августа, Веспасиана, Тита, Траяна, Антонина и Марка Аврелия, называя остальных либо изнеженными, либо пагубными правителями. Если верить тому же Спартиану, удача не вскружила ему голову, и он презирал лесть, которую всегда расточают сильным мира сего. Когда его провозгласили императором, один остро слов того времени сочинил в его честь панегирик и пожелал прочесть его.

«Восхвалите лучше Мария или Ганнибала, – ответил Нигер, – или какого-нибудь другого великого мужа, которого уже нет в живых, и расскажите, что они совершили, дабы мы могли им подражать. Хвалить живых – насмешка, особенно князей, которых боятся, от которых ждут милостей, которые могут возвышать и казнить, миловать и преследовать. Я хочу, чтобы меня любили при жизни, а хвалили после смерти».

Эти слова прекрасны, и к ним нечего добавить, кроме того, что хорошо бы проверить их на деле. Без этого испытания можно сомневаться, устояли бы они перед соблазнами долгой и безмятежной власти.

Слава, которую нельзя не отдать ему предпочтительно перед его соперником, состоит в том, что он лично участвовал в сражениях, где решалась его судьба, и не перекладывал на своих lieutenant [lieutenants] заботу, которая так близко его касалась. В битвах при Никее и Иссе он сражался сам во главе своих войск. Довольно странно, что Север не присутствовал ни в одном из трех крупных сражений, решивших его судьбу, и мне трудно согласовать такое поведение с похвалами, которые воздавались его храбрости.

Чтобы завершить то, что я хочу сказать о Нигере, приведу здесь два факта, которые не нашли места в других местах. Домициан запретил хранить солдатские сбережения при знаменах, опасаясь, что эти накопления могут послужить фондом для генералов, желающих поднять мятеж. Нигер восстановил старый обычай и даже узаконил его, чтобы мелкие сбережения солдат не пропадали для их семей, если те погибали в бою, и не доставались врагам, которые могли их разграбить. Это была забота как о благополучии отдельных людей, так и о славе и интересах государства.

Но я не вижу возможности оправдать, а тем более похвалить жестокость его ответа жителям Палестины – будь то иудеи или те, кто их заменил. Измученные тяжестью налогов, они просили у него облегчения. «Вы хотите, – ответил он, – чтобы мы уменьшили подати, которыми обложены ваши земли; а я бы хотел обложить даже воздух, которым вы дышите». Самый бессердечный сборщик налогов не выразился бы иначе.

Север, мало проявлявший себя в ходе войны, стал ужасен после победы. Он приговорил к изгнанию жену и детей Нигера, к которым до этого проявлял величайшее уважение; и это суровое обращение было лишь началом мести, которую он замыслил. Что касается сторонников его врага, то те, кто отделался лишь конфискацией имущества и изгнанием, могли считать себя счастливыми. Север опустошил кошельки и частных лиц, и целых городов, взыскав вчетверо больше с каждого, кто – добровольно или по принуждению – давал деньги побежденной партии. Такие обвинения открывали путь к преследованию всех, кого хотели погубить; и множество людей пострадало под этим предлогом, хотя они никогда не знали Нигера и не интересовались его делами. Север не ограничился денежными наказаниями: согласно Спартиану, он казнил всех сенаторов, служивших офицерами в армиях его соперника.

Однако нашелся один человек, который, осмелившись сказать то, что все думали, пристыдил Севера открытым упреком за столько кровавых расправ и заставил его проявить умеренность. Кассий Клемент, представ перед судом императора как сторонник Нигера, защищался так: «Я не знал ни вас, ни Нигера. Оказавшись в провинциях, которые поддержали его, я был вынужден плыть по течению, в котором оказался, – и все это в то время, когда речь шла не о войне против вас, а о свержении Дидия. Я не виновен перед вами, ибо действовал с теми же намерениями, что и вы. Вы не можете винить меня за то, что я не покинул того, с кем связала меня судьба, чтобы перейти на вашу сторону: ведь вы сами не хотели бы, чтобы те, кто сейчас судит меня, предали вас ради вашего противника. Судите не по именам, а по сути дела. Любой приговор, который вы вынесете нам, вы вынесете и себе, и своим сторонникам. И не говорите, что вам нечего бояться суда. История и потомство – судьи, от которых вам не уйти, если вы осудите в других то, что делали сами».

Ясность этой защиты поразила всех присутствующих, и Север проявил частичную справедливость, конфисковав лишь половину имущества обвиняемого и оставив ему другую.

Соображения выгоды и политики удержали его от того, чтобы объявить врагами всех сторонников Нигера. У него оставался еще один соперник – Альбин, и он не хотел, вызывая всеобщую ненависть, толкать людей в его лагерь. Вероятно, поэтому из всех сенаторов, симпатизировавших Нигеру, но не сражавшихся за него, он казнил лишь одного – того, кто, видимо, выражал свои взгляды громче прочих.

Совершенно не отличаясь великодушием, Север тем не менее сохранил надпись, прославлявшую Нигера, которую его министры советовали уничтожить – из тщеславия, как он сам объяснил: «Оставим этот памятник, чтобы все знали, какого врага мы победили».

Даже простые солдаты, опасаясь жестокости такого победителя, целыми отрядами бежали к парфянам. Север, понимая, какой урон наносит империи это дезертирство, объявил амнистию, чтобы вернуть беглецов. Однако многие остались у парфян, научив их пользоваться римским оружием и даже изготавливать его. Это принесло восточным народам огромное преимущество в последующих войнах с Римом, и именно этим, по словам Геродиана, объясняются их победы над преемниками Севера.

Города, ярко проявившие преданность Нигеру, разделили его участь. Многие из них, движимые древней враждой, веками раздиравшей греческие республики (что сначала отдало их во власть македонян, а затем римлян), не смогли извлечь урок даже из таких суровых событий. После поражения Эмилиана при Кизике Никомедия *declared* [объявила] себя за Севера, а Никея, из ненависти к никомедийцам, с новой силой поддержала Нигера. Между двумя городами даже произошли стычки из-за распри, в которую им следовало бы не вмешиваться. Когда Нигер потерпел поражение под Никеей, города Лаодикея в Сирии и Тир, соперничавшие соответственно с Антиохией и Беритом, провозгласили Севера императором и уничтожили почести, возданные Нигеру. Вскоре они были наказаны: пока армии врага задерживались у Тавра, Нигер послал в эти города мавританские отряды, которые по его приказу устроили резню и поджоги.

Антиохия, в свою очередь, пострадала от полностью победившего Севера: он лишил ее статуса города, превратив в простую деревню, и подчинил Лаодикее. Хотя историки умалчивают об этом, нет сомнений, что Берит и Никея подверглись такой же участи. Наблус (древний Сихем) в Палестине лишился городских прав за верность Нигеру. Чтобы ослабить управление Сирией, Север, по-видимому, выделил Палестину в отдельную провинцию с собственным наместником. Тир, одним из первых перешедший на его сторону, стал столицей этого нового образования. В целом Север проявил благодарность к городам, пострадавшим за его дело, выделив средства на восстановление их былого величия. Он подражал Сулле и, как и тот, гордился тем, что умел лучше других и мстить врагам, и награждать друзей.

Пример суровых кар, обрушившихся на города, вызвавшие ненависть Севера, не сломил упорства византийцев – даже после смерти Нигера, лишившей их всякой надежды. В их ожесточении, несомненно, была причина, но историки не сохранили ее для нас.

Мы видели, что Византий был осажден Севером [Септимием Севером] или его полководцами сразу после ухода Нигера [Песценния Нигера]. Вероятно, осада не велась с большим напором, пока продолжалась война и армии обеих сторон действовали в поле. Но когда Нигер, побежденный и убитый, избавил Севера от всех тревог, задача взятия Византия стала единственной или, по крайней мере, важнейшей для победителя, и он бросил на это все морские силы империи. Похоже, город был просто блокирован с суши.

Всем известна выгодная позиция Византия, ныне Константинополя, на Босфоре – проливе, через который воды Понта Эвксинского [Черного моря] вливаются в Пропонтиду [Мраморное море]. Течение направлено к берегу, на котором стоит город, образующий здесь углубление, так что часть вод отклоняется, образуя прекрасную гавань, а остальные стремительно следуют в сторону открытого моря. Сила течения такова, что любой, попавший в него, неизбежно приближается к Византию: друг или враг – все должны пройти под стенами города.

Со стороны моря стены не были сильно возвышены. Само море и его скалы служили достаточной преградой. С суши город защищали мощные стены – высокие и толстые, сложенные из крупных каменных блоков, скрепленных железными связями. По всему периметру стояли башни, расположенные так, чтобы взаимно прикрывать друг друга.

Еще до или во время осады византийцы подготовили мощные метательные орудия разной дальности. Одни бросали на короткое расстояние тяжелые камни и балки. Если противник отступал дальше, другие машины метали стрелы и более легкие камни. Железные «руки», прикрепленные к цепям, опускались к подножию стен и захватывали все, что могли зацепить. Большинство этих машин создал Приск, уроженец Вифинии, знаменитый инженер, чье мастерство едва не погубило его, но затем спасло: после взятия Византия полководцы Севера приговорили его к смерти, но император, ценя его талант, даровал ему жизнь. Впоследствии Приск оказал Риму немалые услуги.

Вход в гавань Византия перекрывала цепь. Молы, охватывавшие гавань и выступавшие в море, были укреплены башнями для защиты подходов.

В гавани стояло 500 небольших судов. Большинство имели тараны, а некоторые – двойные рули (на корме и носу) и двойные команды, что позволяло им по сигналу, не разворачиваясь, двигаться вперед или назад в зависимости от обстоятельств.

За три года осады, несомненно, было множество штурмов, вылазок и разнообразных событий. Но Дион [Кассий Дион Коккейан] или его сократитель не вдавались в подробности, упомянув лишь факты, показавшиеся им необычными или достойными внимания благодаря своей «чуждести».

В его рассказе нет описания сухопутных сражений. Лишь сказано, что город был плотно окружен и лишен связи с внешним миром.

На море автор упоминает хитрость византийцев, позволившую им захватывать вражеские корабли прямо на рейде. Они отправляли ныряльщиков, которые под водой перерезали

якорные канаты и вбивали в корпус судна гвоздь с прикрепленной к нему веревкой. Другой конец веревки находился на византийском корабле, который, двигаясь, увлекал за собой вражеское судно, словно то плыло само, без весел или ветра.

Осажденные сопротивлялись с крайним упорством. Потеряв множество лодок, они строили новые из дерева разрушенных домов, а женщины отдавали волосы для изготовления канатов. Запасы стрел и камней истощились из-за долгой осады. Византийцы стали использовать камни от разрушенных театров, а затем и бронзовые статуи, украшавшие город, – метали их на врагов.

Сломить их упрямство смогло лишь бедствие, превосходящее человеческие силы. Начался голод. Хотя город иногда снабжали отчаянные купцы, соблазненные прибылью: они грузили корабли припасами, подставлялись под течение и намеренно попадали в руки византийцев, – в конце концов, нехватка пищи стала столь ужасной, что жители вымачивали кожи, пытались извлечь из них сок, а затем дошли до каннибализма.

В этой чудовищной крайности осажденные предприняли последнюю попытку. Оставшиеся сильные мужчины, дождавшись шторма, сели на корабли, решив погибнуть или доставить провизию согражданам. Им повезло: они достигли неохраемых земель, разграбили все, что нашли, и перегрузили добычу на свои суда. Но возвращение оказалось роковым. Воспользовавшись продолжавшейся бурей, они вышли в море. Осаждавшие, увидев перегруженные корабли, едва державшиеся на воде, поняли, что легкая добыча у них в руках. Римские суда, не вступая в бой, сталкивали византийские лодки шестью или пробивали таранами. Даже легкий удар часто отправлял их на дно. Конвой не оказал сопротивления: все пытались бежать, но ветры и враги уничтожили все до единого судна.

Это было мучительное зрелище для византийцев, которые со своих стен видели, как рушится их последняя надежда. На следующий день, когда море утихло, они яснее осознали масштабы катастрофы, увидев всю поверхность вод, покрытую мёртвыми телами, которые волны прибывали к их гавани и выбрасывали на берег. В отчаянии, сломленные поражением, они наконец решили открыть ворота врагу и сдались на милость победителя. Победители воспользовались своим правом без жалости: они перебили всех воинов, магистратов и командиров. Что же до судьбы самого города, они запросили указаний императора, находившегося тогда в Месопотамии.

[Септимий Север принял известие о падении Византия с взрывом радости.] Он немедленно собрал своих солдат и объявил им: «Мы наконец взяли Византий!» Однако безмерное удовлетворение от этого успеха не смягчило его сердца. Он обрушил на несчастный город всю возможную суровость: конфисковал имущество жителей, лишил его статуса свободного города и даже звания города, низведя до положения *tributaria* (платящего дань) и простого поселения. Византий с округой подчинили юрисдикции перинфян, которые бесчинствовали, злоупотребляя властью. Но и это не всё. Север разрушил стены и укрепления города, что, по мнению Диона, нанесло империи тяжкий удар, лишив её мощнейшего бастиона, сдерживавшего всю Фракию и господствовавшего над Азией и Понтом Эвксинским. «Я видел Византий, – добавляет историк, – в таком руинном состоянии, что можно подумать, будто его захватили не римляне, а варвары».

Север, однако, спустя время смягчился по отношению к византийцам и антиохийцам благодаря мольбам своего сына Каракаллы, тогда ещё ребёнка. Он несколько ослабил первоначальные наказания для этих городов, но не восстановил Византий в прежних правах. Напротив, подтвердил подчинение перинфянам. Действительно, как видно из церковной истории, вплоть до времён, когда Константин отстроил Византий и дал ему своё имя, местный епископ признавал митрополитом епископа Перинфа (Гераклея). Известно, что Церковь в распределении провинций и митрополий следовала гражданскому административному делению.

[Я упоминал, что Север узнал о конце осады Византия в Месопотамии.] По словам Диона, жажда славы и желание завоеваний привели его в эти земли для войны с арабами, адиабенцами, осроэнами и даже парфянами. Впрочем, у него были веские причины атаковать эти народы: одни поддерживали или симпатизировали Нигеру, другие, воспользовавшись гражданскими войнами римлян, попытались отобрать их владения за Евфратом и осадили Нисибис. Напомним, что Месопотамия, где Нисибис был одним из главных городов, завоёванная Траяном и оставленная Адрианом, вновь перешла к римлянам по договору с парфянами при Марке Аврелии и Луции Вере.

Восточная кампания Севера не была ни долгой, ни отмеченной великими подвигами. После тяжёлого перехода через песчаные равнины Месопотамии, где он и его армия едва не погибли от жажды, он достиг Нисибиса и остановился там. Разделив войска между разными командирами, он отправил их опустошать вражеские земли, захватывать города, но без закрепления завоёванного. Север не мог сейчас заниматься этим – его сердце пылало другой целью: уничтожить Альбина, чтобы править империей единолично. Его задача на Востоке сводилась к возрождению страха перед римским оружием, не появлявшимся здесь тридцать лет, и обеспечению спокойствия границы, пока он будет воевать на другом конце света. Однако он хвастался покорением обширных земель, и лесть осыпала его почестями. Ему предложили триумф, от которого он отказался, дабы не праздновать победу над Нигером, своим земляком. Его также наградили титулами «Аравийский», «Адиабенский», «Парфянский». Спартиан пишет, что Север отверг последний титул, чтобы не злить парфян, однако он встречается в надписях того времени.

Главным достижением Севера в этом походе стало укрепление за Римом Нисибиса – ключевого пункта, служившего щитом против восточных варваров. Он оставил там сильный гарнизон под командованием римского всадника, даровал городу привилегии. Ясно, что Север хотел сделать Нисибис опорной базой для будущих кампаний, когда другие заботы отступят. Дион критикует его за расходы на содержание города, но дальнейшие события доказали, что Север лучше оценил его значение.

[По Диону, приведу ещё два малозначительных факта.]

Север, вознесённый успехами, считал себя превыше смертных в храбрости и умении, но был одурачен бандитом, разорвавшим Сирию и Иудею, за которым император велел усиленно охотиться. Клавдий (так звали разбойника), переодевшись в офицера, явился к Северу во главе отряда всадников, приветствовал его, поцеловал и спокойно удалился, оставшись неузнанным.

Скифское войско (северные племена) готовилось вторгнуться в империю. Во время их совета разразилась ужасная гроза с молниями и громом, убившими трёх их главных военачальников. Охваченные суеверным страхом, они сочли это дурным предзнаменованием и отказались от замысла.

Примечания:

[1] СПАРТИАН, Нигер, 3.

[2] Именно так я перевожу слово *povī*, использованное оригинальным автором. Нигеру, чьё происхождение было скромным, было бы нелепо претендовать на исключение из должностей «новых людей» (*hommes nouveaux*). Также не похоже, чтобы слово *povī* само по себе могло означать «новых граждан» (*nouveaux citoyens*).

[3] Цернунте и Савария – города Паннонии. Последняя была родиной святого Мартина.

[4] Именно так Карбон характеризовал Суллу. См.: «Римская история», т. VIII, стр. 391.

[5] Терни в герцогстве Сполето.

[6] Дион относит назначение Альбина на титул Цезаря ко времени первых шагов Севера, ещё до того, как тот покинул Паннонию. Я следую хронологии Геродиана. Нетрудно согласо-

вать этих двух авторов, предположив, что переговоры между Севером и Альбином начались в период, упомянутый Дионом, но завершились лишь тогда, когда Север уже овладел Римом.

[7] 1250 фунтов.

[8] 125 фунтов.

[9] Иначе Гераклея.

[10] Спартиан, так объясняющий события в «Жизни Севера», в другом месте («Нигер», 6 и 7) допускает, что существовал иной план соглашения, по которому Нигер был бы сопричислен к Северу, но в подчинённом положении. По его словам, срыв соглашения произошёл по вине Нигера, который не из-за отсутствия желания, но под влиянием корыстных советов некоего Аврелиана (искавшего выгоды в том, чтобы укрепить его в первоначальных притязаниях) отказался уступить. Это явное противоречие у Спартиана, и весь рассказ лишён правдоподобия. Поэтому я не упомянул его в основном тексте.

§ II. Разрыв между Севером и Альбином

Север, как я уже отмечал, примирился с Альбином и уступил ему титул Цезаря лишь для того, чтобы не иметь одновременно двух врагов на противоположных концах империи – в Сирии и в Британии. Когда же он победил Нигера и восстановил спокойствие на Востоке, одержав победы над варварами на этих границах, у него не осталось причин щадить единственного оставшегося соперника, и он задумал от него избавиться.

Не знаю, можно ли доверять свидетельству Геродиана и Капитолина, которые утверждают, что прежде чем прибегнуть к открытой силе, Север попытался пойти низким и вероломным путём убийства, отправив Альбину письмо, полное заверений в дружбе, с солдатами-убийцами, которым было приказано просить тайной аудиенции – якобы для сообщения важных дел – и заколоть его, как только он окажется вдали от своей охраны. Замысел убить полководца среди его войск, Цезаря в провинции, где его власть признавалась, кажется мне маловероятным; да и если бы Север был настолько зол, чтобы задумать такое, он был слишком умен, чтобы верить в возможность исполнения. Согласно тем же авторам, затея не увенчалась даже малейшим успехом. Альбин заподозрил неладное, велел схватить убийц и, вынудив их пытками признаться в своём поручении, предал их казни, после чего решил отомстить тому, кто их подослал. Впрочем, для разрыва едва ли требовались столь веские причины.

Я следую за Дионом, который просто говорит, что Север после победы над Нигером отказался признавать за Альбином прерогативы, связанные с титулом Цезаря, тогда как Альбин, напротив, претендовал даже на титул Августа. Этих немногих слов достаточно; ничего не добавляя к совершенно естественному ходу событий, они показывают, как война стала неизбежной между двумя честолюбцами, чьи притязания оказались столь непримиримы.

Правда, можно удивляться, почему Альбин так медлил с открытым выступлением. Но мы видели, что сначала он стал жертвой козней Севера, и неизвестно, как долго длилось это заблуждение. Когда же он прозрел, то, хотя и не предпринимал пока явных действий, всё же не терял времени даром. Тайно он старался приобрести друзей и сторонников в сенате, где его рекомендовали два важных обстоятельства: знатность, которую ему приписывали, и мягкость нрава, столь отличавшая его от сурового Севера. Он привлёк на свою сторону Галлию и Испанию, сосредоточив там значительные силы. Он даже обратил взор на восточные провинции, стараясь заручиться там поддержкой щедротами к городам, разорённым войсками Нигера. Наконец, когда он счёл себя достаточно сильным, чтобы больше не скрывать своих намерений, он сбросил маску и, ссылаясь, вероятно, на несправедливости Севера, велел провозгласить себя Августом. Наши историки не упоминают об этом последнем шаге, но он подтверждается монетами, на которых Альбин, что особенно примечательно, соединяет имя Септимия с титулом Августа, объявляя себя тем самым в одной надписи и сыном, и врагом Севера.

Север только этого и ждал. Его политика состояла в том, чтобы всегда сохранять видимость правоты, оставляя противнику роль агрессора. Он уже выступал в поход, как будто направляясь в Рим (и, если не ошибаюсь, прошёл большую часть пути), когда узнал об открытом мятеже Альбина. При этой вести он собрал солдат и, воспользовавшись прекрасным случаем обличить неблагодарность соперника, без труда добился, чтобы они объявили его врагом и выразили полную готовность идти на него войной. Император подкрепил их рвение щедрой раздачей денег.

Последовательность событий заставляет меня согласиться с г-ном де Тиллемоном, что именно на этом же сходе Север пожаловал титул Цезаря своему старшему сыну Бассиану, одновременно переименовав его имя на Марк Аврелий Антонин. Это тот самый принц, которого мы обычно называем Каракаллой. Его отец, любивший демонстрировать глубокое почтение к памяти Марка Аврелия (хотя сам мало походил на него), желал дать тому особое свидетельство, передав своему наследнику имена этого мудрого императора. Что касается имени Антонина, известно, каким почитанием оно пользовалось в описываемую мной эпоху. Каракалле было тогда не больше восьми лет.

Место, где Каракалла был провозглашён Цезарем, известно нам из Спартиана. Север стоял тогда лагерем близ города Виминация в Мезии на Дунае. Весьма вероятно [1], как я уже отмечал, что там же войско Севера объявило Альбина врагом. С этого момента соперники перестали церемониться и открыто двинулись друг против друга: Север – из Мезии, Альбин – из Британии.

По-видимому, план последнего состоял в том, чтобы прорваться, если удастся, в Италию и добиться признания в Риме, где у него было много сторонников. Север, понимая, как важно помешать осуществлению этого замысла, отрядил часть войск занять альпийские проходы со стороны Галлии, а с главными силами поспешил навстречу, проявляя ту энергию, которую позволял его характер. Он подавал всем пример, мужественно перенося тяготы пути; никакие природные препятствия не могли его задержать; он бесстрашно шёл навстречу снегам и стуже; отдыхал лишь тогда, когда того требовала крайняя необходимость, – и такой пример действовал на всех сильнее любых увещаний. Таким образом он успел опередить врага, уже завладевшего Лионом, и встретил его близ этого города у ворот Италии.

Между тем приготовления к новой гражданской войне встревожили Рим, и среди множества жителей мнения разделились в зависимости от интересов. Одни сенаторы, в том числе и Дион, оставались в стороне, выжидая исхода и готовые покориться победителю; другие, связанные личными узами либо с Севером, либо с Альбином, разделяли страхи и надежды обоих соперников. Народ, который война затрагивала непосредственно и который не мог от неё ждать никаких выгод, выражал своё горе и недовольство открыто и громко. Во время цирковых игр незадолго до сатурналий (что позволяет датировать это концом декабря), бесчисленные зрители наблюдали шесть заездов колесниц, почти не уделяя им внимания, поглощённые более важными мыслями. Перед седьмым заездом все, словно по уговору, воздели руки к небу и стали молить богов о спасении города. Затем раздались крики: «О царица городов! О вечный город! Что станет с тобой? Долго ли нам терпеть одни и те же беды? Долго ли будут длиться междоусобные войны?» После многих других подобных восклицаний они, однако, смолкли и вновь обратили внимание на зрелище.

Дион, человек суеверный, восхищается этим единодушием множества людей, говорящих на одном языке, и усматривает в этом нечто божественное: как если бы сходство чувств не должно было порождать и сходство выражений. Он приводит и другие мнимые чудеса: большое сияние на небе, которое было не чем иным, как северным сиянием; серебристую росу, выпавшую на площади Августа и сохранявшую свой цвет в течение трех дней. Но столь пустые замечания не должны нас задерживать.

Военные действия не были продолжительными. Произошло несколько стычек, несколько боев между отрядами двух больших армий; и люди Альбина довольно часто одерживали верх. Дион особо упоминает о сражении, в котором Луп, один из генералов Севера, был разбит и потерял много людей. Как только пролилась кровь, Север потребовал от сената – и получил – объявления Альбина врагом государства. Он поступил так же в отношении Нигера.

Мы находим у Диона любопытный факт, который, возможно, потерял бы часть своего удивительного характера, если бы автор изучил его более внимательно и проницательно. Я изложу его так, как передает наш автор. Некто Нумериан, преподававший грамматику в Риме, вздумал отправиться в Галлию и вмешаться в войну, которая его никак не касалась. Присвоив звание сенатора, он собрал несколько солдат, с которыми разбил кавалерийский отряд Альбина и совершил еще несколько мелких подвигов. Север, узнав об этом и считая его настоящим сенатором, направил ему полномочия и подкрепление, которые Нумериан эффективно использовал на службе у того, кому посвятил себя. Удивительно в этом приключении то, что этот грамматик-воин действовал без всякой корысти. Захватив у врагов семьдесят миллионов сестерциев [2], он отправил их Северу. После окончания войны он не потребовал никакой награды; не претендовал на то, чтобы официально получить звание сенатора, которое самовольно присвоил; и удалился в деревню, где провел остаток дней, живя на скромную пенсию, выплачиваемую императором. Таковы внешние обстоятельства дела, мотивы которого автор не сумел нам объяснить.

Война завершилась решающим сражением на равнине между Лионом и Треву. Обе армии были равны по численности, насчитывая по сто пятьдесят тысяч человек каждая, и возглавлялись своими императорами. Север, лично не участвовавший ни в одной из битв против Нигера, сам командовал своей армией в сражении против Альбина. Доблесть войск с обеих сторон была велика. Британские легионы, сражавшиеся за Альбина, ни в чем не уступали иллирийским; но Север считался более искусным полководцем, чем его соперник.

Победа колебалась и долго оставалась нерешенной. Левое крыло Альбина не оказало сильного сопротивления, вскоре было разбито и преследовалось людьми Севера вплоть до своего лагеря. На другом фланге события развивались иначе. Войска правого крыла Альбина вырыли на пространстве перед собой множество ям, прикрытых тонким слоем земли, и сделали это так, что поверхность почвы казалась ровной и не вызывала подозрений. Чтобы заманить врага в ловушку, они притворились робкими; ограничивались метанием дротиков издали и отступали после залпа. Хитрость удалась. Солдаты Севера, полные желания сразиться врукопашную и презирая противников, казавшихся трусливыми, наступали на них без всякой осторожности. Но внезапно они были остановлены препятствием столь же грозным, сколь и неожиданным. Достигнув места, где была скрыта ловушка, земля ушла у них из-под ног, и вся первая линия рухнула в ямы. Поскольку ряды были сомкнуты, вторая линия не успела остановиться и рухнула на первую. Те, кто следовал за ними, охваченные ужасом, резко отступили и опрокинули товарищей, находившихся позади. Таким образом, все левое крыло Севера пришло в ужасный беспорядок, и враги, бросившись вперед, учинили жестокую резню.

В такой крайней опасности Север поспешил на помощь своим с гвардией. Но сначала, вместо того чтобы исправить положение, он увидел, как даже его преторианцы были смяты и изрублены, а его конь пал под ним. Неудача разожгла его мужество. Он разорвал свой императорский плащ, обнажил меч и, собрав несколько беглецов, повел их обратно на врага, решив победить или умереть. Его маленький отряд рубил всех подряд, друзей и врагов. Это заставило многих бегущих развернуться; а победители, уже рассеявшиеся и потерявшие строй, с трудом выдержали удар, которого больше не ожидали.

Бой возобновился, но победа все еще висела на волоске. Лет, командующий кавалерией Севера, решил исход. До сих пор он бездействовал, имея, как говорят, коварный замысел дать двум соперникам уничтожить друг друга, чтобы затем занять место, которое оставит их гибель.

Увидев, что удача начинает склоняться на сторону Севера, он осознал, какой опасности подвергает его преступная игра. Он двинулся в атаку и ударил во фланг войскам Альбина, которые уже сильно теснили спереди отряд Севера. Они не смогли выдержать этот новый натиск и, думая только о бегстве, укрылись в городе Лионе, как и их несчастный вождь Альбин. Север, полностью победив, стал благодаря этой славной победе единоличным властелином всей империи, уничтожив менее чем за четырех лет трех императоров – Дидия, Нигера и Альбина.

Битва при Лионе была очень кровопролитна. Наши авторы не оценили потери каждой из сторон; но они должны были быть значительными, даже для победителя; и Дион с горечью истинного гражданина отмечает, что кровь, пролитая с обеих сторон, была одинаково потеряна для Рима.

Спартиан сообщает нам месяц и день этого великого события – девятнадцатое февраля. Он не указывает года; и только путем сравнения с предшествующими и последующими фактами г-н де Тильмон относит его к 197 году от Р. Х., четвертому году правления Севера.

Город Лион был разграблен и опустошен победителями, которые подожгли его в нескольких местах и сожгли большую часть.

Альбин после поражения своей армии укрылся в доме близ Роны. Там, видя, что все потеряно и не имея права надеяться на пощаду, он пронзил себя мечом или приказал сделать это одному из своих рабов. Он еще дышал, когда прибыл отряд вражеских солдат, которые отрубили ему голову и принесли ее Северу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.